

ЕГОР ХОЛМОГОРОВ

ДОБРЫЕ РУССКИЕ ЛЮДИ

**ОТ ИВАНА III
ДО КОНСТАНТИНА
КРЫЛОВА**

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ
ДЕЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ**

Егор Холмогоров

**Добрые русские люди. От Ивана
III до Константина Крылова**

«Книжный мир»

2022

УДК 82-94
ББК 84

Холмогоров Е. С.

Добрые русские люди. От Ивана III до Константина Крылова /
Е. С. Холмогоров — «Книжный мир», 2022

ISBN 978-5-6047704-8-1

Перед читателем исторические портреты деятелей русской истории и культуры - монархов и полководцев, землепроходцев и философов, писателей и композиторов, поэтов и художников, на протяжении веков бескорыстно строивших великую российскую державу. Их жизнеописания освобождены от идеологических пут классового подхода и наглядно иллюстрируют роль личности в истории в целом и в становлении России в частности. Объединяет эти очерки стремление автора рассказать о русских героях, увидеть смысл и значение их деятельности для нас, сегодняшних русских. Герои этой книги: государь Всея Руси Иван III, царь Иван Грозный, Семён Дежнев, адмирал Ушаков, фельдмаршал Кутузов, генерал Котляревский, император Николай I, Константин Аксаков, граф Михаил Муравьев-Виленский, Михаил Катков, Фёдор Достоевский, Константин Леонтьев, Константин Победоносцев, император Александр III, Виктор Несмелое, Пётр Столыпин, император Николай II, генерал Дроздовский, адмирал Колчак, Николай Гумилёв, Александр Шаргей, протоиерей Георгий Флоровский, адмирал Горшков, Георгий Свиридов, Илья Глазунов, Игорь Шафаревич, Павел Рыженко, Константин Крылов. Книга адресована широкому кругу читателей. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-94
ББК 84

ISBN 978-5-6047704-8-1

© Холмогоров Е. С., 2022

© Книжный мир, 2022

Содержание

От автора	7
Посвящение	10
Иван III	11
Василий Тёмный выходит из тени	13
Обретение суверенитета	16
Русское национальное государство	19
Национальному государству – национальную стратегию	22
Поворот оси мировой истории – открытие Сибири	24
Дипломатия Третьего Рима	27
Русь, ты вся Ренессанс на морозе	28
Иван Грозный	31
Семён Дежнёв	42
«Россия создавалась Сибирью»	44
В поисках Анадыря	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Егор Станиславович Холмогоров
Добрые русские люди. От Ивана
III до Константина Крылова.
Исторические портреты деятелей
русской истории и культуры

© Холмогоров Е.С., 2022

© Книжный мир, 2022

© ИП Лобанова О.В., 2022

От автора

Перед читателем сборник исторических портретов деятелей русской истории и культуры – монархов и полководцев, землепроходцев и философов, писателей и композиторов, поэтов и художников. Эти очерки написаны в разные годы и в разных жанрах: от большого биографического исследования – до небольшой юбилейной заметки, от некролога – до киносценария. Объединяет эти очерки стремление автора рассказать о русских героях, увидеть смысл и значение их деятельности для нас, сегодняшних русских.

Герой – это творец истории. Человек, чьи поступки изменяют ход исторических событий, вопреки давлению социальных, экономических, политических и бюрократических инерций, вопреки предубеждениям и ошибкам общественного мнения. Герой воплощает интуиции и едва ощущаемые интересы народа в конкретное творческое действие, задает новые горизонты действительности, выступает образцом для других людей и дает пример новым героям. Героическое начало в русской истории выражено очень ярко. Множество её участников выступают именно в роли тех, кто переломил историческую инерцию.

Но идеологический формат советской историографии и советской школы превратил русскую историю в унылую поэму без героев. Многие умалчивались по политическим и идеологическим причинам. Многие, чтобы не перегружать школьников мозги и не отвлекать их от постижения основ классового подхода. Было время, когда советские учебники обходились вообще без героев, строились на одних голых социологических схемах. Потом в 1930-е годы потребовали хотя бы часть живой конкретики вернуть. Но так, чтобы не слишком прославлять «феодалов, церковников, царей и их прислужников» и чтобы обязательно была «подчеркнута, – как гласили замечания товарища Сталина на учебник истории СССР (Союза Советских Социалистических Республик), – аннексионистско-колонизаторская роль русского царизма, вкупе с русской буржуазией и помещиками».

Одни русские герои устранились из учебников потому, что были «реакционными попами», как святитель Алексей Московский или Митрополит Макарий, другие – потому что были слугами империализма и колониализма, как генерал Скобелев или все герои Кавказской войны. Наконец все «реакционные» деятели просто не имели шанса быть упомянутыми, а тем более – запомниться.

Достаточно вспомнить обложку знаменитого учебника М. В. Нечкиной и П. С. Лейбенгруба «История СССР» для 7 класса, которым охватывались первые 900 лет русской истории и в котором ухитрились не упомянуть даже Владимира Мономаха. Стенька Разин, Пугачев, Радищев – весь комплект освободительного движения. За официальную русскую историю отдувался одинокий генералиссимус Суворов. Впрочем, можно было совместить одной картинкой, – Суворов везет арестованного Пугачева в Москву. Но, почему-то, не захотели, хотя в некоторые книги эта шикарная иллюстрация включалась. К тому моменту, как в школу пошел я, дизайн обложки чуть изменился и на помощь Суворову, осажденному бунтовщиками, пришел Ломоносов.

Но бог бы с ними, с советскими учебниками – к сожалению, над всей нашей историографией и научно-популярной исторической литературой нависает некое «толстовство», утверждение о незначительности индивидуального вклада в русскую историю, о мнимой ничтожности личных героических амбиций.

Стандартный (и глубоко ошибочный) метасюжет биографии русского героя: «отдал всего себя Родине, разбился о систему, выразил душу народную, но, в сущности, ничего не добился – все результаты пропали, сам герой заканчивал жизнь в забвении, но его имя будет жить в памяти благодарных потомков» – с такой или почти такой интонацией создается большинство русских исторических биографий.

Те немногие герои, которых действительно признает официальный канон, возводятся на расчеловечивающий их героический пьедестал, – интерес к живым чертам их личности, успехам и неудачам, сильным и слабым сторонам, к сути и методу их исторического действия считается недопустимым и приравнивается к святотатству. Как следствие, русская история в преподавании предстает как унылая безлюдная пустыня, уставленная редкими бронзовыми изваяниями – иногда полуразрушенными.

Отсутствует пространство того живого человеческого примера, в котором вырабатывается матрица поступков, которым подражает молодёжь. Если наши учебники и книжки ещё кое-как учат наших детей героической смерти за Родину, умению терпеливо сносить неудачи и непонимание государством и окружающими, то успеху, активному и эффективному действию на благо Родины, достижению позитивных целей научиться от нашей исторической схоластики было попросту невыносимо. Мало того, в них так сознательно искажался исторический материал, что даже хрестоматийные случаи успеха были в нём совершенно извращены.

В советском учебнике И. А. Федосова «История СССР», посвященном России в XIX веке и уже в детском саду поражавшем меня пустопорожней марксистской русофобией (да, читатель, я пытался осилить советские учебники ещё в детском саду, в старшей, конечно, группе) о деятельности адмирала Невельского говорится так: «Важнейший вклад в изучение дальневосточных морей внес Геннадий Иванович Невельской. Он открыл устье Амура, пролив между материком и Сахалином и впервые доказал, что Сахалин не полуостров, как считали раньше, а остров».

По форме верно, а по сути издевательство, так как Г. Невельской был не педантом, который хотел доказать островной характер Сахалина, а отважным морским офицером, который во главе крохотной группки людей сумел присоединить к России невообразимо огромные просторы Амурского и Уссурийского краев и Сахалин. И сделал он это буквально за месяцы до того, как на горизонте появилась американская эскадра, с которой случилось бы заявить права на эти якобы манчжурские территории... Г. Невельской практически в одиночку серьёзно скорректировал ход русской и мировой истории, не испугался ни трудностей многолетних плаваний и зимовок в диких местах, ни враждебности петербургских чиновников, больше всего боявшихся обидеть Китай (а на деле – задеть английские интересы). Его подвиг закончился полным триумфом, и по сей день лежащим в основе нашей географической карты.

Разумеется, находились учителя, которые по своей инициативе рассказывали о подвиге Г. Невельского, особенно на Дальнем Востоке. Но для фигуры общенационального масштаба, человека, открывшего нам Приамурье и Приморье, эта выше цитированная строчка в учебнике была просто оскорбительна, вводила в прямое заблуждение.

Сегодня нам необходима решительная работа по возвращению русской истории её личностного героического измерения. В учебниках и хрестоматиях должны быть обильно представлены подвиги, то есть героические поступки отдельных лиц, причём это должны быть подвиги не только правителей и высших полководцев, но и простых героев.

Необходимо существенное расширение списка исторических героев, который должен знать учащийся (и хорошо ориентироваться в нём). Список должен включать в себя военачальников, деятелей Церкви и государственных мужей, деятелей культуры и общественной мысли, первопроходцев и первооткрывателей. Должны быть известны не только суть и обстоятельства их подвига, но и в чём конкретно их личные решения и поступки переломили инерцию истории.

Со временем, несомненно, должны появиться такие списки наших исторических героев, не знать которых даже старшекласснику будет уже стыдно. Перестанут, наконец-то, быть анонимными Древняя, Удельная и Московская Русь, гораздо обогатится перечень тех, кого мы знаем из имперской эпохи, произойдет переоценка многих героев XX века и вернутся новые времена.

Пока же просто посоветую читателю провести несколько часов в интернете и поискать кто такие Претич, Довмонт Псковский, Стефан Пермский, Фёдор Басенок, Данила Щеня, митрополит Филипп I, дьяк Иван Выродков, воевода Дмитрий Хворостинин, дьяк Андрей Щелкалов, Ульяна Осорьина, Петр Бекетов, князя Семен Пожарский и Даниил Мышецкий, воевода князь Трубецкой, боярин Фёдор Ртищев, сенатор Яков Долгоруков, Григорий Шелихов, Михаил Щербатов, адмирал Василий Чичагов, капитан Казарский, Кузьма Крючков, Великий князь Олег Романов, капитан Петр Черкасов, Мария Бочкарева... Право же, узнаете много интересного.

Предлагаемая вниманию читателя книга лишь в незначительной степени закрывает этот пробел. В неё включены те исторические портреты, которые мне представилась возможность написать. Не менее значителен список тех портретов, которые не написаны. Особенно я жалею об отсутствии в этой книге очерков об адмирале Г. Невельском, В. К. Арсеньеве, Иване Ильине, Иване Солоневиче.

В то же время читатель должен иметь в виду, что данная книга взаимно дополнительна с моими очерками по русской литературе «Рцы слово твердо. Русская литература от Слова о полку Игореве до Эдуарда Лимонова» (М.: «Книжный мир», 2020). Я не дублировал в нынешней книге ни имен, ни текстов, поэтому, скажем, в данной книге нет ни Пушкина, ни Солженицына. Есть лишь одно исключение – Ф. М. Достоевский, так как в основу предлагаемого теперь нового текста о величайшем русском писателе лег сценарий моего фильма-эссе «Фёдор Михайлович», вышедшего на телеканале «РТ-Россия» 11 ноября 2021 года.

Мне хотелось бы поблагодарить всех, кто причастен к публикации этих очерков, вышедших на канале «РТ-Россия», сайтах телеканалов «Царьград» и «360», в журналах «Историк», «Вода живая» и «Свой», газете «Культура», интернетгазете «Взгляд», портале «Арктика», но даже простое перечисление имен заняло бы не одну страницу. Все причастные, несомненно, узнают себя, и я уверяю их в своей безграничной благодарности. Так же хотелось поблагодарить всех читателей и благотворителей, систематически поддерживавших мой интернет-сайт «100 книг», позволявший «довести до ума» большую часть текстов.

Хотелось бы упомянуть только три имени из причастных, тех, кого больше нет с нами: Константина Крылова, Светлану Лурье и Михаила Бudaraгина. Каждому из них я был обязан больше, чем могу выразить, и потерять их в эти страшные и без того наполненные смертями годы было по настоящему горько. «...Только ветер гудит в отдаленье, только память о мертвых поет».

Но русская история продолжается и в ней появляются новые герои.

Посвящение

Эту книгу автор с горечью и слезами вынужден посвятить памяти автора выражения «добрые русские люди», замечательного русского публициста и мастера журналистики Егора Александровича Просвирнина (3 апреля 1986 г. – 27 декабря 2021 г.). Не должно было быть такой трагической и безвременной смерти такого молодого и талантливого русского человека, блистательного солнца русской журналистики, настоящего лидера, умевшего зажечь огнем любви к исторической России и величию русской нации сердца великого множества молодых людей. Старшему всегда больно провожать младшего, а не на войне – особенно. Впрочем, мы, русские, всегда на войне.

Хотя «два Егора русского национализма» жили, зачастую, как кошка с собакой, я обязан Егору Просвирнину весьма и весьма многим. Немало моих текстов были написаны именно для «Спутника и Погрома», а задаваемый Егором стандарт качества сделал эти тексты лучшими. Егор всегда был пламенно влюблен в белую, национальную и имперскую Россию, его страстный антибольшевизм во многом позволил и мне освободиться от зачастую фальшивой дипломатичности в отношении поработившего Россию в XX веке красного ига.

Отношения Егора с Православием и Церковью, без которых, я убежден, русская нация и русская цивилизация немыслимы, были непростыми. Однако именно в последние месяцы жизни он начал прозревать. Незадолго до гибели, спрошенный в интервью лукавой дочерью израилевой: «како веруеши?», он ответил: «Слава Христу, позор антихристу!» Егора похоронили под православным крестом, а мы, столь до времени оставшиеся без него, давайте молиться за его пусть грешную, но светлую русскую душу. Сказано же:

«всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным» (Мф., 10:32). И да будет так.

Иван III Как «отчина» стала Отечеством

Великий князь Московский и Всея Руси Иван III (1440–1505) был создателем России в её современном понимании как национально-территориального государства, которое стремится объединить под своей властью и охватить единым аппаратом управления всю страну, населенную одним народом, имеющим общую культуру и историческую традицию. Русские предреволюционные историки и исследователи 1930–1950-х гг. справедливо говорили о России Ивана III как о русском национальном государстве и лишь позднее, в угоду позднесоветскому интернационализму, эту формулу заменили на «централизованное государство».

Иван III занимался не просто собиранием земель – это успешно практиковали и его предки: Иван Калита, Дмитрий Донской, Василий I и II. Он поставил это собирание на новую идейную почву, провозгласив принцип общерусского национализма. С октября 1483 года московская канцелярия начинает систематически применять к государю титул «Всея Руси», возникший в середине XIV века, но применявшийся до той поры лишь sporadически.

Этот титул не мог не вызвать беспокойства в соседней Литве, контролировавшей все земли Западной Руси – нет ли в нём притязания московских государей на эти территории? И

притязание действительно появилось. Россия Ивана III начинает систематическую реконкисту у Литвы исконных русских земель. В 1503 году, ведя с литовцами переговоры о перемирии после победоносной для русских войны, отдавшей в наши руки Чернигов, Гомель, Брянск, Новгород Северский, Путивль, русские послы торжественно зачитали следующий княжеский наказ: «Русская Земля вся, с Божьей волею, из старины, от наших прародителей, наша отчина: и нам ныне своей отчины жаль; а их отчина – Лятская земля да Литовская; и нам чего деля тех городов и волостей своей отчины, которые нам Бог дал, ему отступатись? Ано не то одно наша отчина, коя города и волости ныне за нами: и вся Русская Земля Киев и Смоленск и иные города, которые он за собою держит к Литовской земле с Божьей волею из старины от наших прародителей наша отчина»¹.

Русская Земля не потому существует в качестве некоего единства, что она «из старины отчина» прародителей Ивана, напротив, московский Великий князь потому претендует на власть над всею Русской Землею, а не только над тем, чем владеет сегодня, что природные властители Русской Земли – это его род. Русская Земля в интерпретации московской дипломатии выступает как суверенное этнополитическое единство – отечество, власть в котором из старины, как отчина, принадлежит Рюриковичам. Именно поэтому и Киев и Смоленск должны принадлежать Ивану вопреки династическим притязаниям литовского князя. И напротив, Лятская и Литовская земли, составляя такие же точно этно-политические комплексы, составляют отчину Гедиминовичей-Ягеллонов и князь Иван не вступается в неё.

Феодальный принцип «отчины» – владения, полученного от предков, здесь заменяется национально-территориальным принципом. Земли ляхов и литовцев по своим национальным свойствам составляют отчину польско-литовского государя Александра Казимира. А земли русские – принадлежат Государю Московскому. Всё русское составляет историческую «отчину» московских Рюриковичей.

Спору нет, Иван III был человеком «осени средневековья» и охотно использовал феодальные механизмы всюду, где они были ему выгодны. При помощи династических связей он захватил Тверь (ссылаясь на тверское происхождение своего старшего сына Ивана) и накрепко привязал к Москве Рязань. С помощью феодального права перемены сеньора он принял присягу Верховских княжеств, отступивших от Литвы, – Воротынского, Белёвского, Одоевского, Оболенского. Феодальные же инструменты он использовал для того, чтобы лишить в 1478 году осажденный Новгород военачальника – князь Василий Гребенка Шуйский присягнул новому государю.

Однако феодальные права Иван Васильевич принимал в расчет лишь там, где они служили к его выгоде. Там, где они подрывали верховенство московского государя, он их игнорировал. Вспомним об отношениях Великого князя с собственными братьями, Андреем Углицким и Борисом Волоцким, удельные права которых он всячески утеснял.

¹ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. 1. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством в царствование Великого Князя Ивана Васильевича. Ч. 1 (годы с 1487 по 1533). – СПб: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1882. – С. 460.

Василий Тёмный выходит из тени

Ивана III нельзя представлять гением, сотворившим Россию «из ничего». Ему многое досталось от отца – Василия II Тёмного, одного из самых недооцененных русских государей, часто представляемого неудачником.

Выступив на стол ребенком и претерпев большую часть катастрофических злоключений до 30 лет, Василий II закончил жизнь безусловным победителем. На деле именно Василий II, проявив волю и упорство, выиграл нашу «войну алой и белой розы», несмотря на троекратное свержение и ослепление закрепив престол за прямой линией Московских князей. Впрочем, не является это сравнение преувеличенным в смысле переоценки масштабов и значения русской династической смуты?

Она, в сущности, разбивается на два мало связанных между собой эпизода. Первый – выступление в 1433–1434-м гг. Юрия Звенигородского и двукратное изгнание из Москвы Василия II, а затем авантюристическая попытка сына Юрия – Василия Косого после смерти отца удержать великое княжение за собой. Эта попытка была пресечена отказом второго сына Юрия, Дмитрия Шемяки, от подчинения брату и его переходом на сторону Василия II как старшего в роде.

Второй эпизод последовал лишь спустя 11 лет после довольно бесконфликтного сосуществования Шемяки и Василия II, когда разгромленный татарами Улу-Мухаммеда под Суздалем в 1445 году Василий II после плена вернулся на Русь с обязательством выплатить тяжкую дань. Дмитрий Шемяка в период пленения Василия оказался по «лествичному праву» на московском столе и именно это подвигло его посягнуть на власть серьёзно ослабленного разгромом Великого князя, вступить в заговор с Иваном Можайским, схватить Василия и ослепить его. После чего в течение года Шемяка вынужден был капитулировать перед солидарным мнением Церкви, служилого сословия и общества, и, по сути, – отпустить пленника. Василий Васильевич, даже ослепленный, стремительно вернул себе престол и всеобщую покорность.

Каждый раз, когда Василий II оказывался свергнутым с престола, он получал мощнейшую поддержку со стороны московской служилой элиты и посада. Очевидно, личность Великого князя была сложнее и притягательней нарисованной в историографии плоской карикатуры серого неудачника, если его поддерживали и Церковь, и бояре, и норовистый посад.

Шемяка в 1446 году не выступал с возобновлением притязаний своего отца – он действовал как заговорщик, который воспользовался чрезвычайными обстоятельствами военной катастрофы, постигшей Василия. Рассматривать эти два эпизода как единую династическую войну – так же натянуто, как обычай пристегивать к «войне роз» выступление Генриха Тюдора и битву при Босворте, состоявшуюся 14 лет спустя битвы при Тьюксбери, после мирного правления Эдуарда IV и Ричарда III. Продолжавшаяся после этого 6 лет война Шемяки и Василия II была, по сути, агонией узурпатора, пользовавшегося поддержкой в своей Галицкой земле и Новгороде, и закончившейся его отравлением.

В результате искусственного сращивания в историографии эпизода с Юрием Звенигородским и эпизода с Шемякой, возникает историографическая аберрация, из-за которой весь 37-летний период правления Василия II предстает как эпоха сплошной нестабильности и неустойчивости великокняжеской власти. Хотя в совокупности периоды, когда власть московского государя была непрочно и всерьёз оспаривалась, не составили в общей сложности и 5 лет. Всё остальное время большая часть Московского государства провела в мире и сравнительной стабильности. Сравнить это с бойней, шедшей в Англии, где при Таутоне в один день погибло 12 000 преимущественно знатных воинов, попросту невозможно.

Если мы откажемся от представления об эпохе Василия II как о времени непрерывной династической войны, то нам станут лучше понятны её парадоксальные итоги. Именно в этот

период Москва становится безусловным гегемоном среди всех русских земель. Как отмечает М. М. Кром, великое княжение «превратилось в монархию с явной тенденцией к единодержавию. Многие уделы были ликвидированы в ходе междоусобной борьбы, а те, что остались или были заново созданы по завещанию Василия II, или потеряли былую автономию, а их владельцы из “братии младшей” великого князя превратились в его, “великого государя”, подданных».

Правление Василия Тёмного было эпохой наращивания Москвой своих сил для решительного превращения в Россию. Огромную роль в этом сыграла реорганизация талантливейшим воеводой Фёдором Басенком Государева Двора, превратившегося в полноценную военно-административную корпорацию, сделавшуюся, по выражению А. А. Зимина «организатором побед Василия II и кузницей кадров для администрации Русского государства».

Василию удаётся спроецировать внутренний конфликт в московском великом княжестве на внешние отношения и под предлогом борьбы со своими врагами (в лице семьи отравленного Шемяки) добиться военного разгрома и политической капитуляции Новгорода – новгородцы признают гегемонию московского «великого государя» во внешней политике и законодательстве, его право суда, заменяют свою печать на документах – его печатью. После Яжелбиц-кого мира 1456 года деяния Ивана III – шелонский разгром 1471 года и присоединение 1478 года – были уже, в сущности, чисто технической задачей, поэтому без преувеличения можно считать именно Василия II и его Двор подлинными покорителями Новгорода и создателями московского великодержавия.

Наконец, именно Василий II решительно отверг Флорентийскую унию, изгнал латинствующего митрополита Исидора и учредил автокефальную Русскую Церковь во главе с митрополитом Ионой, сделав Москву подлинным «Ноевым Ковчегом» православного мира. В 1441 году прибывший в Москву Исидор был немедленно изгнан после попытки совершить литургию с поминанием папы и оглашения документа о заключении унии. Москва отвергла унию сразу же и предельно решительно. Москва начала добиваться от патриарха и императора утверждения своего кандидата на митрополию, Рязанского епископа Ионы, который уже ездил в Константинополь, но был обойден Исидором.

Несколько лет Иона фактически возглавлял Русскую Церковь, однако убедившись в том, что ни возвращения в Православие, ни дезавуирования Исидора не происходит, в 1448 году собор русских епископов избрал Иону митрополитом и, тем самым, была установлена автокефалия Русской Церкви. То, что причиной провозглашения автокефалии было именно православие в Царьграде, совершенно отчетливо указано в послании митрополита в Литву, отправленном вскоре после его поставления. «Занеже, сынове, коли было в Цариграде православие, и они оттуды принимали благословение и митрополита. А ныне, сынове, Богу так извольше, и не хотением нашего смирения». Сказано предельно ясно – «когда было в Царьграде православие», тогда оттуда принимали митрополита, ныне же волею Провидения такая возможность исчезла. В 1449 году в грамоте киевскому князю Александру Владимировичу митрополит Иона выражается ещё более резко: «Не х кому было посылать. Царь не таков, а ни патриарх не таков, иномудрствующу к латыном приближающуся, а не тако, яко же православному нашему христианству изначала предано».

Русская Митрополия при святителе Ионе вырабатывает новую державную титулатуру Московских князей. В одном документе Василий II именуется «великим государем царем руским», в другом – «всея Русския земли самодержцем». Именно готовность Василия II принять «вызов», связанный с Флорентийской унией и падением Константинополя, и вытекающими из этого церковно-политическими и цивилизационными последствиями, сделала его княжество больше чем второразрядным политическим игроком на шахматной доске Восточной Европы. Возникла своего рода «сингулярность», – между военными, политическими и церковными усилиями, и Московское государство стало по настоящему уникальным истори-

ческим феноменом, которое, несомненно, может быть описано как нормальное государство Нового времени, но не может быть сведено только к нему. Это было молодое национальное государство Восточной Европы в политической проекции и вступающий в свои права наследник Вечной Империи в проекции метаполитической.

Личный вклад Василия II, этого «несломленного человека», по выражению американского исследователя Г. Алефа, в решающий поворот русской истории по прежнему остается недооцененным, а абсурдный миф о его «посредственности» кочует из монографии в монографию. Не слишком ли много достижений для «посредственности»? В сыне Василий II нашел замечательного преемника и продолжателя, которому не приходилось, как отцу, горько учиться на собственных ошибках.

Обретение суверенитета

Эпоха правления Ивана III – это последовательное оформление России как суверенного государства.

Уже к моменту вступления на престол Иван III не считал себя связанным вассалитетом Орде. Оговорка об орде, касающаяся дани, в соглашениях Ивана III с подчиненными ему князьями звучит теперь так: «а коли яз, князь великий, выхода в Орду не дам, и мне и у тебя не взяти». Меняется сама идеология восприятия Орды. В послании ростовского архиепископа Вассиана Рыло Ивану III архиерей убеждает великого князя не слушать советников, убеждающих его покориться хану как законному «царю».

Кстати, из этого послания совсем не следует, как поспешно делают вывод многие исследователи, что у самого государя реально были такие сомнения – апелляция архиепископа к князю, прежде всего, публицистический приём, обращенный к широкой аудитории. Вассиан именует Батю, установившего ордынскую власть над Русью, богомерзким и скверным самозванным царем, который «пришед разбойнически и поплени всю землю нашу и поработи и воцарися над нами, а не царь сый, ни от рода царска». Эта формулировка совершенно разрушительна, конечно, для «евразийской» мифологии, созданной вокруг отношений Руси и Орды.

Наиболее значимым рубежом стал 1480 год, год окончательного разрыва зависимости от Золотой Орды, осуществленного Стоянием на Угре. «Здесь конец нашему рабству», – писал Н. М. Карамзин. То же самое утверждал и советский школьный учебник написанный Милицей Нечкиной: «Русь окончательно стала независимой в 1480 году... Свержение ига монголо-татарских ханов имело огромное историческое значение. Русское государство завоевало независимость. Развитие хозяйства и культуры страны пошли значительно быстрее».

Наконец, выдающийся русский историк Ю. Г. Алексеев подчеркивает: «Летне-осенняя кампания 1480 года против Ахмата – яркая страница военной истории нашей страны. Ещё более существенно, что на берегах Оки и Угры была одержана решающая политическая победа, свергнуто ордынское иго, тяготевшее над Русью более двух столетий. Бескровная победа на Угре – крупнейшее событие эпохи, а воскресенье 12 ноября 1480 года, первый день полностью независимого Русского государства, – одна из важнейших дат в истории нашего отечества».

Со времен стояния на Угре в лексикон русской публицистики входит понятие «отечество». «О храбри мужествении сынове русти! Подщитесь свое отечество, Русскую землю, от поганных сохранить» – говорится в «Повести о стоянии на Угре», созданной в Ростове под влиянием Вассиана Рыло. Мы обнаруживаем, что Русская Земля интерпретируется в повести не как абстрактное понятие, а как отечество, нуждающееся в защите. Те же, кто не защитил своего отечества, как южные славяне от турок, те «погибоша, отечество изгубиша и землю и государство».

Национальный суверенитет России сознавался Иваном III вполне отчетливо:

«Мы Божию милостью государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы, а просим Бога, чтобы нам дал Бог и нашим детям и до века в том быти, как есмь ныне государи на своей земле», – заявлял великий князь послу австрийского императора Николаю Поппелю.

Историк Михаил Кром выделяет такие признаки суверенитета, как ощущение себя Иваном главой особого «государства», выделение специальной сферы внешней политики, а во внутренних делах «неограниченность верховной власти, которая на территории данного государства обладает абсолютными и никем не оспариваемыми полномочиями». Любые попытки новгородцев ограничить власть московского государя над своей землей вызывают лишь гнев великого князя: «Вы нынеча сами указываете мне, а чините урок нашему государству быти, ино то которое государство моё»? «Полная независимость от иных правителей и абсолютная

власть в своей земле – таким был для Ивана III идеал государства» – резюмирует Кром. К эпохе Ивана III относится и формирование представления о четких государственных границах.

Бросается в глаза решительность, с которой Иваном III и продолжателем его политики Василием III упразднялись автономия и старые порядки присоединенных земель. Не только упразднялись бывшие институты, как веча, и вводились московские порядки, но и применялась практика вывода населения. Из покоренного города выселялась местная элита (бояре и посадники с семьями), купцы, даже ремесленники, а на их место переводились служилые люди и торговцы из центральных уездов страны... Такие меры были осуществлены в Новгороде, Пскове и Смоленске после раскрытия в нем антимосковской измены.

После занятия Москвой Тверского княжества в сентябре 1485 года, оно было передано наследнику московского престола Ивану Ивановичу и окончательно присоединено после его преждевременной смерти в 1490 году. В полуавтономном режиме существовали какое-то время владения стародубских и северских князей, перешедших к Ивану в 1500 году из-под власти Литвы. Но «автономии в составе Московского государства имели тенденцию к сокращению, а затем и к полному исчезновению» – отмечает Кром. Он подчеркивает, что «в России XVI века возобладали модель полной интеграции покоренных земель «по праву завоевания»...

Что же позволяло московским государям так быстро приводить к общему знаменателю Новгород, Псков, Тверь, Рязань, которые столетиями жили отдельно от Москвы, зачастую были значительно «старше» её, славнее в мире, ещё недавно отличались большей экономической и военной мощью? Конечно не «династический принцип», не принятие Рюриковичей-Даниловичей, каковые не могли пользоваться каким-то специальным авторитетом по сравнению, к примеру, с Тверскими Рюриковичами-Ярославичами (при этом тверской патриотизм был чрезвычайно силен и стоял на выдающейся культурной высоте, к тому же опирался на почитание князя-мученика Михаила Ярославича Тверского, к гибели которого была причастна Москва).

Ещё более нелепо предполагать, что династический момент имел значение для Новгорода, с его столетиями республиканского строя и всегдашней готовностью значительной части элиты предпочесть литовских Гедиминовичей. Для Новгорода, опять же, был характерен высококоразвитый и опиравшийся на давнюю традицию республиканский патриотизм, да ещё и с выраженной идеологией противостояния диктату владимирских князей. Менее «антивладимирский», но столь же отчетливый характер носил и патриотизм псковский.

Однако ни в ходе Ливонской войны, ни в ходе Смуты Новгород не пытается воспользоваться возможностью для сепаратистских поползновений, быстро и безболезненно возвращается в состав России – новгородская измена, очевидно, коренилась лишь в воображении Ивана IV, расправившегося с новгородцами в 1570 году. Не редкие в Новгороде и Пскове городские восстания никогда не носят сепаратистской окраски, свидетельствуя, что полисное начало в них укоренилось куда глубже, чем сепаратно-государственное. Ничего мы не слышим ни о тверском, ни о рязанском сепаратизме...

Не «династический», как иногда утверждается, а именно национальный принцип был основой создаваемого Иваном III государства. Жёсткий унитаризм значительно отличает Россию этой эпохи даже от самых передовых раннемодерных государств, как Франция, характер которой в качестве образцового национального государства не вызывает сомнений. Если образцовое национальное государство Европы – Франция – срослось из кусков и частей с большим трудом и так никогда и не преодолело до конца своего лингвистического раскола, несмотря на предельно унификационную политику французского государства, то Россия собирается в единое целое как бы сама собой.

Блистательное отсутствие регионального сепаратизма в составе Московского государства свидетельствует о том, что оно имело вполне отчётливую этнокультурную основу, было ранним национальным государством Нового времени в той степени, в которой, возможно, им не было в тот период ни одно государство Европы. «Собранные» Иваном III княжества так скоро

и органично прирастали друг к другу не потому, что были соединены общей династией (как раз династия была долгое время главным фактором разделения, как у Москвы с Тверью), а потому, что уже мыслили себя органичной частью единого этнокультурного и, мало того, этно-политического комплекса – Русской Земли.

Представление о «всей Русской Земле», как о реально существующей и нуждающейся в единстве, никуда не исчезает из сознания летописцев, церковных проповедников, а стало быть, и их паствы – князей, бояр, купцов, да и простого народа. Характерно самосознание Афанасия Никитина, тверского купца, оказавшегося за пределами русских и вообще христианских земель, выучившегося говорить и даже писать по-тюркски. В своей знаменитой тюркской записи в «Хождении за три моря» он противопоставляет любимую им Русскую Землю, мыслимую как единство и целостность, и множественных «князей русской земли», которые «несправедливы». «Да устроится Русская Земля и да будет в ней справедливость», – высказывает свою сокровенную мечту тверской купец.

Предметом патриотической преданности для Афанасия является, прежде всего, Русская Земля как целое, а множественность князей может быть понята именно как фактор, порождающий несправедливость. В таком разрезе единовластительство, единодержавие, которое, вскоре после кончины Афанасия, начнет устанавливать Москва, должно пониматься именно как установление справедливости. В Дербенте Афанасий обращается к московскому послу Василию Папину, представителю Ивана III, с просьбой похлопотать о русских пленных. А после смерти Афанасия его рукопись оказывается благодаря его московским спутникам-купцам именно в Москве, что ещё раз подчеркивает её статус общенациональной русской столицы.

Русское национальное государство

Иван III – наш первый национальный государь, возведший в политический принцип объединение всей Русской Земли в единое государство. «При Иване III в короткий срок, в течение одного двадцатипятилетия, фактически было закончено дело создания Русского национального государства», – отмечал К. В. Базилевич.

В работе «Существовало ли русское национальное государство?»² я выделил следующие черты раннего национального государства: (1) относительное совпадение этнонима и политонима; (2) ирредентизм – притязание на соединение в одном государстве всех представителей одного этнокультурного комплекса; (3) неприятие внешней этнократии, то есть отрицание права чужеземцев на власть, стремление иметь своего природного государя; (4) зачаточные формы общенационального политического представительства; (5) тенденция к формированию единого экономического субъекта – внутренний рынок, протекционизм, контроль внешней торговли; (6) оформление национальной церковной организации; (7) формирование идеологии изоляционизма/исключительности, то есть комплекса идей «мы должны быть сами по себе» и, при этом, «мы особенные».

И все эти черты ярко и выпукло присутствовали в истории России XV–XVI вв. и большинство из них определились именно при Иване III.

Совпадение политонима и этнонима налицо. «Россия» = «Русь» = «Русская Земля» = «люди русские» – всё это однозначно воспринимается как имеющее вполне определенную политическую локализацию. Переход к постоянному употреблению великим князем Московским титула «всея Руси» фиксируется довольно точно – это третья четверть 1483 года. Еще в «докончании» (договоре) Ивана III с великим князем Рязанским Иваном Васильевичем, заключенном в июне 1483 года, титул «всея Руси» применительно к Московскому князю не употребляется, а уже в октябре 1483 в жалованной грамоте волоцкому князю Борису Васильевичу Иван III именуется «князь великий Иван Васильевич Всея Руси». С этого момента титул «всея Руси», воспринятый из титула русских митрополитов, закрепляется за Иваном III на постоянной основе и используется как в отношениях с удельными князьями, так и во внешнеполитической документации.

В строительной надписи на плите, встроенной в Спасскую (Фроловскую) башню Московского Кремля (сейчас хранится в музеях Московского Кремля) сказано: «IOANNES VASILII DEI GRATIA MAGNUS / DUX VOLODIMERIAE, MOSCOVIAE, NOV/OGARDIAE, TFERIAE, PLESCOVIAE, VETICIAE, / ONGARIAE, PERMIAE, BUOLGARIAE ET / ALIAS TOTIUSQ(UE) RAXIE D(OMI)NUS, / A(N) NO 30 IMPE-RII SUI HAS TURRES CO(N)DERE / F(ECIT) ET STATUIT PETRUS ANTONIUS SOLARIUS / MEDIOLANENSIS A(N)NO N(ATIVIT) A-(TIS) D(OM)INI 1491 K(ALENDIS) M(ARTIIS) I(USSIT)P(ONE-RE)». То есть: «Иван Васильевич Божией милостью Великий Князь Владимирский, Московский, Новгородский, Тверской, Псковский, Вятский, Югорский, Пермский, Болгарский и иных земель и Всея Рاسие Государь в лето 30 своего царствования решил и приказал построить сии башни заложил Петр Антоний Со-лари миланец в лето от рождества Господня 1491 мартовские календы».

Обращает на себя внимание слово «Raxia» совершенно нетипичное для передачи на латыни наименования «Русь». Традиционно оно записывалось как Russia/Rossia/Rhossia. Неко-

² Холмогоров, Е. С. Существовало ли Русское национальное государство? // Национализм: pro et contra. СПб: РХГА, 2017. – С. 771–779. Автор последовательно придерживается взгляда на досовременное существование наций, в целом разделяя этно-символический подход Энтони Смита. Подробнее см.: Холмогоров, Е. С. Русские. Нация, цивилизация, государственность и право русских на Россию. – М.: Книжный мир, 2020. Подробное рассмотрение бытования концепта «русское национальное государство» в советской историографии середины XX века: Юрганов, А. Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. – М.: РГГУ, 2011.

торые исследователи связывают это с популярной в позднее Средневековье теорией происхождения имени «Русь» от названия народа роксоланов – «Роксолания», но, по всей видимости, дело куда проще: «Раксия» – это передача со слуха слова «Росия» со столь отчетливо превращающимся в московском произношении безударным «о»: «Рахѣ» = «Расие».

Ирредентизм выражен в политике великих князей и царей Московских в высшей степени ярко. Выше мы уже цитировали требование бояр Ивана III к польско-литовскому государю вернуть русские вотчины. «Князь хочет вотчины свои – земли русские» – такова и политика сына Ивана – Василия III.

Установка на неприятие внешней этнократии выразилась со всей определенностью в эпоху Смутного Времени. Нежелание терпеть на престоле польских ставленников и польских оккупантов в Кремле, несмотря на любую их формальную «легитимность», была важнейшим двигателем событий Смуты к порогу победы над нею. Но уже в эпоху Ивана III угроза появления в Новгороде князей из Литвы рассматривается как достаточное основание, легитимизирующее московскую интервенцию и аннексию торговой республики.

Земские соборы, восходящие к церковным соборам, которые стали важным государственным институтом именно при Иване III, были для своей эпохи весьма добротной зачаточной формой национального представительства. Они были всеобщими и всеземельными, их голос воспринимался именно как совет всей земли.

Безусловно, имела место единая субъектность во внешней торговле. Государство быстро взяло её в свои руки и поставило под жесткий контроль.

В Северной Европе в эту эпоху наметились две противостоящих друг другу своеобразных «оси»: «вертикальная», ориентированная на ограничение прямых контактов Востока с Западом и посредничество в свою пользу, – она включала Швецию, Ливонию, Ганзу, в значительной степени Польшу и Литву; и «горизонтальная», ориентированная на относительно свободный обмен между основными производящими регионами Северной Европы и включавшая Россию, Данию, Англию и, в качестве альтернативного Ганзе «честного посредника», Голландию. На место контроля над торговлей Ганзы как вненационального союза коммерческих городов пришло торговое соглашение ранних национальных государств.

Иван основывает русский балтийский порт Ивангород, вызывающий настоящую ненависть у ганзейцев и ливонцев. В 1494 году, после двух десятилетий политики систематических притеснений в отношении ганзейцев Иван III закрыл ганзейский двор в Новгороде и конфисковал его товаров на сумму до 96 тыс. марок серебра. Эта политика Ивана III была частью хорошо скоординированной атаки становящихся национальных государств на своекорыстного посредника – Ганзу. Закрытие ганзейского двора последовало непосредственно за союзным договором двух Иоаннов – великого государя России и короля Дании, заключенном в Нарве в 1493 году. Датские короли ещё с конца XIV века были главными противниками Ганзы – они ограничивали свободу ганзейского плавания через Балтийские проливы, поощряли активность голландских и английских купцов.

Ганза ответила на изгнание широким бойкотом России, нанеся значительный экономический урон. Многие исследователи полагают русско-ганзейский конфликт ошибкой государства. Однако даже если он был тактически неверен, он укладывался в стратегию установления национальной монополии внешней торговли. Другое дело, что подлинного расцвета и прибыльности эта монополия могла достичь только с установлением прямых контактов с Западной Европой через открытые моря, произошедшим при Иване IV. Впрочем, путь вокруг Норвегии регулярно использовали ещё послы Ивана III, именно от них английские купцы и получили представление куда плыть и, в итоге, успешно добрались до Холмогор.

Национальная церковная организация была одним из ранних достижений в становлении русского государства. Автокефалия 1448 года ещё при Василии II сформировала эту органи-

зацию, а затем она бдительно охранялась, будучи закреплена в 1589 году с установлением патриаршества.

Идеология национального изоляционизма/исключительности также была сформирована в доктрине преподобного Иосифа Волоцкого: «Русская земля благочестием всех одоле». Там же и доктрина Третьего (III) Рима старца Филофея, которые многие ошибочно считают мессианской. На самом деле это была изоляционистская доктрина, суть которой в том, что не нужно православному царю Московскому любой ценой, перенапрягая силы, отвоевывать Константинополь – отныне Русская Земля – это Третий Рим и это её интересы и есть политические интересы Православия.

Национальному государству – национальную стратегию

Огромна роль Ивана Великого и как стратегического военного руководителя, значительно опередившего своё время.

Для XV века был характерен определенный образ полководца – военачальник, который всё время находится в седле, руководит битвой, лично идет в бой, подвергаясь ежеминутному риску. Основной формой боевых действий был «поход», то есть передвижение войска в поисках сражения или осады.

Войны Ивана III принципиально отличались от стандартов эпохи, напоминая скорее кампании середины XX века. Они велись на огромных пространствах, представляя собой ряд скоординированных ударов нескольких армий. Русские, как правило, использовали амфибийную тактику, атакуя, одновременно, на суше и с воды, комбинируя конницу, пехоту, артиллерию и судовые рати – последние были именно русской козырной картой. Стратегическое военное руководство соответствовало образу нового национального государства и по масштабу, и по бюрократической и логистической сложности организации войны.

Главнокомандующий не гарцевал перед войсками, а располагался в штаб-квартире в тылу, координируя события по всему фронту. Конечной целью было не сражение, а достижение стратегического результата. В то время как большинство правителей той эпохи были талантливыми или бездарными полевыми генералами, Иван III был первоклассным стратегом, имевшим в своем подчинении и отличных полевых генералов – воевод: Данила Холмский, Фёдор Хромой, Иван Патрикеев, Данила Щеня... Всего список воевод Ивана III насчитывает 156 человек.

«Сам он лично только раз присутствовал на войне, именно когда завоевывал княжества Новгородское и Тверское; в другое время он, как правило, никогда не бывал в сражениях и все же всегда одерживал победы, так что великий Стефан, знаменитый воевода Молдавии, часто поминал его на пирах, говоря, что тот сидя дома и предаваясь сну, умножает свою державу, а сам он, ежедневно сражаясь, едва в состоянии защитить свои границы» – сообщает австрийский дипломат при дворе Василия III Сигизмунд Герберштейн.

И в самом деле, нигде в военной истории мы не найдем такого количества военных побед и масштабных завоеваний при столь небольшом количестве «судьбоносных» сражений. Таковых за всё царствование Ивана Васильевича было ровно два – битва на Шелони в 1471 году, когда Холмский и Хромой разбили новгородцев, и битва при Ведроше в 1500 году, когда Щеня разбил литовцев.

Зато было множество великолепных военных кампаний, вообще обошедшихся без генерального сражения. Поход на Новгород в 1478 году, приведший к концу независимости республики, состоял в стремительном перехвате коммуникаций и осадных действиях.

Стояние на Угре в 1480 году – подвижная защита переправ на пути ордынского набега в сочетании с вероятным ударом по ордынским тылам судовой рати, дошедшей до Сарая. Пока русская рать удерживала орду Ахмата на берегу Угры, не позволяя с помощью артиллерии пересечь водную преграду, судовая рать под командой Василия Ивановича Ноздреватого Звенигородского и служилого татарского царевича НурДаулета двинулась по Волге до Сарая и нанесла врагу удар в тыл, разграбив ордынскую столицу. Орда Ахмата потеряла устойчивость и, в конечном счете, повернула ³.

³ Вопрос об историчности похода Нур-Даулета и Ноздреватого – один из ключевых при реконструкции событий Стояния на Угре. Рассказ о нём содержится в «Казанском летописце» (Казанская история. – МЛ.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 56–57) и не имеет параллелей в других источниках. Это позволило С. М. Соловьеву отвергнуть его как недостоверный. Но при этом надо учитывать общую историографическую тенденцию Соловьева к умалению личности Ивана III, представлению Стояния на Угре как «негероического» события, то есть мы имеем дело с классическим анти-мифом. Вслед за К. В. Базилиевичем (Базилиевич, К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. – М.: Территория, 2004).

В 1484 году приход русской рати к Казани привел к дворцовому перевороту и воцарению промосковского хана Муххамед-Эмина, а в 1487 город и вовсе капитулировал после короткой осады и стал рассматриваться в московской документации как «отчина» русских государей (что и позволило впоследствии Ивану IV его присоединить).

Семилетняя приграничная война с Литвой (1487–1494 гг.) состояла из ежегодных небольших внезапных набегов и принудила литовцев смириться с потерей Верховских княжеств.

В практике Ивана Великого как стратега было такое уникальное мероприятие как «поход миром» на Новгород в 1475 году, подготовивший окончательную аннексию в 1478 году. Государь «пошел к Новгороду миром, а с людьми со многими», расположился с войском у новгородских стен на Городище и начал лично судить новгородцев, принимая бесчисленные жалобы. В основном простые люди просили защиты от притеснений, чинимых новгородской боярской элитой. Одной из издержек новгородской олигархической «свободы» было разделение города на зоны контроля бандитских боярских группировок, формой выяснения отношений между которыми был «наезд» – вооруженное нападение с ограблением. Новгородцы подали жалобу за наезды на посадника Василия Онаньина и ещё трех видных бояр, а Государь велел тех схватить и отправить в оковах в Москву.

Если бы Бэзил Лиддел-Гарт пристальней изучал бы русскую историю, то он просто обязан был бы посвятить Ивану III восторженную главу в «Стратегии не прямых действий». Вряд ли Иван III читал Сун-Цзы, но он, несомненно, руководствовался его принципом: «лучшее из лучших – победить не сражаясь».

2001. – С. 145–146) мы не видим оснований отвергать этот рассказ: он удачно объясняет мотивы действий Ахмата и ложится в канву других стратегических операций Ивана III, неизменно включавших войну на реке. Было бы странно, если бы в минуту крайней опасности Иван не использовал инвентаря речной войны.

Поворот оси мировой истории – открытие Сибири

Именно Ивану III принадлежит великий геополитический проект, навсегда изменивший ход мировой истории, быть может, сильнее, чем путешествие Колумба – направление русского войска за Урал. Английский историк и культуролог Фелипе Фернандес Арместо не случайно полагает, что зауральский поход привлёк бы куда большее внимание «космического наблюдателя», чем плавание «Пинты».

«В следующем столетии меха стали для Московии тем же, чем были пряности для Лиссабона... В 1465-м, 1472-м и 1483 годах Иван посылает экспедиции в Пермь и на Обь за данью – собольими мехами, но самым значительным стало вторжение 1499 года. Близ устья Печоры был основан город Пустозерск: на всем протяжении завоевания русскими Сибири их успех измеряется количеством построенных городов. Армия, предположительно численностью в четыре тысячи человек, с санями, запряженными оленями и собаками, зимой перешла по льду Печору и достигла Оби за Полярным Уралом, вернувшись оттуда с тысячей пленных и огромным количеством мехов. Посол Ивана в Милане говорил, что у его господина собольих и горностаевых мехов на миллион золотых дукатов.

Первая большая кампания на Оби, несомненно, была началом чего-то значительного. Морские империи, основанные западноевропейскими государствами по следам Колумба, Кабота и Васко да Гамы, исчезли. Поистине из всех европейских империй, основанных в начале современного периода, уцелела только Российская империя в Сибири; её потенциал и сегодня далеко не освоен. И если космическому наблюдателю судьба югры в 1490-е годы покажется более интересной, чем участь араваков или кои-кои, кто может сказать, что он не прав?»

Начиная с 1465-го по 1499 год русские войска совершили множество экспедиций, направленных на подчинение ново-городских владений на Востоке и на нейтрализацию попыток Казанского ханства их перехватить. Большинство из них, правда, касалось, прежде всего, земель черемисы (мари), вотяков (удмуртов), и Пермской земли. Однако дважды походы затрагивали и далекую Югру.

В 1465 году устюжанин Василий Скрыба с отрядом «охочих людей» и в сопровождении жителей бассейна реки Вымь (приток Вычегды) во главе с их князем Василием Ермоличем, сделал вылазку в пределы Югры и подчинил московской власти Югорских племенных вождей.

В 1483 году состоялся масштабный поход русских ратей в Югру. Войско было сформировано из устюжан, вычегжан, вымичей, сысоличей и пермяков, возглавили его московские воеводы князь Феодор Курбский-Черный и Иван Иванович Салтык-Травин. Предлогом военной экспедиции была поддержка Казанского ханства против его противника ханства Сибирского, поданный которого вогульский (мансийский) князь Асыка, которому подчинялись вогулы в районе реки Пелыма, совершал набеги на подданных московского князя зырян (коми).

Поход «судовой рати» вышел из Устюга Великого, поднялся по притоку Камы Вишере, а дальше по притоку Вишеры Вилсую начался горный сплав русских ушкуев – на них не гребли, а тянули бечевой вверх по горной речке. Затем через уральский «Камень» переволокли и корабли, и оружие, и припасы и начали спуск по горной речке Коль, притоку речки Вижай, притоку уже вполне судоходной речки Лозьва, притока реки Тавда, являющейся притоком Тобола, являющегося притоком Иртыша, крупнейшего притока великой Оби. Русская рать совершила первый в истории достоверно доказанный (хотя и не первый, конечно же, в абсолютном смысле, – как и Америку открывали до Колумба много раз) переход через Уральский хребет.

Русская судовая рать разбила Асыка в сражении у укрепленного «городка» Пелым: русские, бившие огнестрельным оружием с судов, бесконечно превосходили по силе вогулов. В бою погибло устюжан 7 человек и вогулов множество. Дальше крупных сражений не было –

русские рати прошли по всей системе притоков «вниз по Тавде, мимо Тюмени в Сибирскую землю; воевали идучи добра и полону вяли много. А от Сибири шли по Иртышу... вниз, воюючи, да на Обь реку великую в Югорскую землю, и князей Югорских воевали и в полон вели».

Политическая часть похода завершилась покорением «Кодского княжества». Кодский князь Молдан и сыновья другого князя Екмычя были захвачены в плен и уведены в Москву. При посредничестве пермского епископа Югорские вожди обратились к Ивану III с просьбой вернуть князя, для чего по языческому обычаю принесли присягу на верность Московскому государю. «Кодские князья подтвердили клятву на верность священным обрядом – “с золота воду пили”. При заключении мира Югорские “князья” совершили магические обряды и дали клятвы, при которых фигурировали ель, шкура медведя, жаба, рыба, хлеб и оружие. Епископ, представлявший в переговорах особу Ивана III, велел отслужить молебен». Следующей весной Югорские представители прибыли в Москву, доставили великому князю ценные меха и просили освободить пленников, что и было сделано, в обмен на клятву поставлять в Московскую казну дань мехами.

Спрос на северные меха был велик. Каждую зиму, по сообщению венецианца Амброджо Контарини, в Москву съезжались во множестве немецкие и польские купцы, чтобы приобрести северные меха. И некоторые из европейцев начали подумывать о том, чтобы пробраться в Сибирь самостоятельно. В 1492 году посол германских императоров Максимилиана и Сигизмунда Михаил Снупс начал неожиданно проситься у Ивана разрешить ему путешествие за Обь. Лазутчику пришлось вежливо, но твердо отказать и отослать назад с письмом к «цезарю» следующего содержания:

«Иоанн, Божьею милостию государь всея Руси... , наияснейшему и величайшему другу и брату нашему возлюбленному здравие, радость и честнейшее животование! Твое величество прислал к нам Михаила Снупса, и мы для дружбы и братства с тобою приняли его ласково и держали в своем жалованье. Он просил нас, чтоб мы отпустили его в дальние земли нашего государства, которые лежат на востоке, на великой реке Оби; но мы его туда не отпустили по причине большого расстояния, дальнего пути: и наши люди, которые отправляются за данью, проходят туда с большим трудом. Потом он просил, чтоб мы отпустили его в Турцию и Польшу; но мы и туда его не отпустили из страха, чтоб не сделалось с ним там беды, а отпустили его к вам, в Немецкую землю, тем же путем, каким пришел».

Такие эпизоды должны были побудить великого князя жестко и однозначно подчинить Югру власти Москвы.

Экспедиция 1499/1500 года должна была поставить подчинение Югры на прочную основу. С самого начала она была задумана с большим размахом – 4041 воин, которыми командовали князь Семен Фёдорович Курбский (сын предыдущего покорителя Югры Феодора Курбского Черного) – в его отряде было 1304 вятчанина и 500 вычегжан, князь Петр Ушатый, принадлежавший к той же группе ярославских князей, что и Курбские (1920 важен и пенеган), и Василий Иванович Гаврилов-Бражник (200 вятчан, 100 арян [удмуртов], татар и «отяков» [вотяки-удмурты или остяки-ханты?]). К экспедиции были приписаны «дети боярские» и вятчане-жильцы [то есть служилые люди, выведенные из провинциальной области в Московскую землю для службы при Государе]. Наказом отряду было идти «на Югорскую землю в Коду», а по пути занять Ляпинское княжество на левых притоках Оби.

В день введения Пресвятой Богородицы во храм, 21 ноября войска от устья притока Печеры – Щугоры отправились «к Камени» то есть к Уральским горам. Основная часть войска во главе с С. Ф. Курбским шла «через Камень щелью», то есть по льду Щугоры, прорезающей Урал насквозь. До Урала шли две недели, насчитав за спиной 4650 верст пройденного пути.

Особенностью этого похода было использование вместо более традиционной для русских тактики речного сплава, совсем другой – войско шло на лыжах-«нартах». Лыжные походы для русского войска в XVI веке не были редкостью. Основную часть пути даже князь Семён Курб-

ский шел, как сообщает Герберштейн, «пешком» (то есть на лыжах). Впрочем, суда везли (и несли) с собой, и в бассейне Оби действовали уже привычным для лета способом.

Этот образ потомка Ярославских князей, идущего на лыжах через Урал, как нельзя лучше состыкуется с нарисованным Герберштейном портретом князя – аскета и строгого ревнителя православных канонов: «человек старый, сильно истощенный крайним воздержанием и самой строгой жизнью, которую вел с молодых лет. Именно в течение многих лет он воздерживался от употребления мяса, да и рыбой питался только по воскресеньям, вторникам и субботам, а по понедельникам, средам и пятницам во время поста он воздерживался и от неё. Великий князь посылал его в свое время главным воеводой с войском через Великую Пермью в Югру для покорения отдаленных народов. Значительную часть этого пути он совершил пешком из-за глубокого снега, а когда тот растаял, остальную часть пути проплыл на судах».

Переход через горы сопровождался обследованием местности и Семен Фёдорович даже предпринимал попытку забраться на «Столп». «Он потратил семнадцать дней на восхождение на гору и все-таки не смог одолеть её вершины, называемой на его родном языке “столп”», – рассказывает Герберштейн. По мнению исследователей под «Столпом» имеется в виду гора Тельпосиз (1617 м) – одна из высочайших и красивейших гор Урала, нависающая над Щугорой.

Пройдя Урал, русское войско вышло к реке Ляпин, притоку Северной Сосьвы, «от Камени шли неделю до первого города Ляпина». Из Обского устья, с Обдора, прибыли на оленях Югорские князья уже бывшие союзниками Москвы. По всей видимости, именно югорцы привезли необходимое для зимы транспортное снаряжение и «от Ляпина шли воеводы на оленях, а рать на собаках».

Дальше началась масштабная военная экспедиция, о которой, как ни странно, сведения сохранились в намного более общем виде, чем о путешествии. Нам известно, что Курбский и Ушатый «поймали 33 города, да взяли 1009 лутших людей, да 50 князей привели». Отдельно действовала экспедиция В. И. Гаврилова-Бражника, следовавшая, по всей видимости, южнее – на Лозьве, Пелыме, Конде (в районе действий экспедиции 1483 года). «Да Василей же Бражник взял 50 городов». Экспедиция князей Курбского и Ушатого победоносно возвратилась в Москву на пасху 1501 года.

Дипломатия Третьего Рима

Хитроумие и масштабность мысли большого стратега распространялись у Ивана Великого и на его дипломатию. Государь всюду умел находить друзей, сталкивать друг с другом врагов, привлекать к себе даже вчерашних противников.

Иван III успешно внедрил в русскую внешнюю политику принцип «дружбы с врагами врагов» и применял его с невероятной эффективностью. Противостояние с ханом Большой Орды Ахматом на Угре вряд ли было бы выиграно, если бы не союз Ивана с крымским ханом Менгли-Гиреем. Против ближних врагов и конкурентов – Швеции и Ганзы Иван III нашел ценного партнера в лице Дании.

Установив связи с Империей Габсбургов, искавших союзников против Турции, Иван немедленно начал добиваться единого фронта с Веной против Польши. Австро-Русская ось в XVI веке стала для Польши-Литвы серьёзным сдерживающим фактором. Характерный факт – империя Габсбургов отнеслась к державным притязаниям Москвы не только без враждебности, но и подогревала их. Первый же посол из Вены предложил Ивану королевскую корону и династический брак дочери князя с императором, на что получил ответ, что русские государи издревле самодержавны и в пожаловании короны не нуждаются.

«Византийский брак», заключенный при поддержке папского престола, резко повысил международный престиж России – великий князь Московский сразу начал рассматриваться как легитимный и статусный игрок на европейской дипломатической арене, с которым престижно и выгодно было поддерживать дипломатические контакты.

Понятно, что главное, что интересовало гостей с Запада – это возможность втянуть Москву в антиосманский союз. И здесь тема «византийского наследия» русских государей была как нельзя кстати. Однако дипломатия Ивана III и его сына Василия III придерживалась национальной ирредентистской программы – возвращение «русской отчины». В ответ на многочисленные квазивизантийские соблазны русская мысль выработала концепцию России – Третьего Рима, записанную уже при Василии III, но оформившуюся, несомненно, под впечатлением правления Ивана III.

«Вся христианская царства приидоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческим книгам, то есть Ромейское царство [так в старейшей рукописи, в других – «Россейское»]: два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвёртому не быти».

То есть Русское государство и есть истинный Рим, третий извод Ромейского царства, а четвёртому не бывать. Нет никакого смысла сражаться с агарянами за Константинополь, поскольку именно Русь и есть теперь истинный Рим, Третий Рим.

Позднее, в принадлежащем кругу митрополита Московского Макария послании Ивану Васильевичу Грозному Русь описывается так «Константинопольскаа церкви разрушися и положиися в поправление, яко овощное хранилище. И паки третий Рим бежа, иже есть в новую Великую Русию, се есть пустыня... и един Православный Великий Русский Царь в всей поднебесной, яко же Ной в ковчезе спасенный от потопа, правя и окормляя Христову Церковь и утвержаа Православную веру».

Русская политическая и церковная мысль эпохи Ивана III, Василия III и Ивана IV выработала вполне четкую доктрину: Россия не должна гоняться за призраками на Босфоре, так отныне не Константинополь, но сама Русь есть истинный Рим. Укрепление Русского государства, собирание Русских земель, Русской Отчины, и есть истинное служение истинной Церкви.

Этому укреплению была подчинена и культурная политика Ивана III.

Русь, ты вся Ренессанс на морозе

Ещё одним проявлением гения Ивана III была та решительность, с которой он сумел сделать ставку на культурные влияния из наиболее передового региона тогдашней Европы – Италии. Монетные мастера, военные инженеры, строители, архитекторы, лекари ехали в Россию оттуда, где их искусство находилось на самых передовых рубежах. «Византийский брак», бывший не в меньшей степени «итальянским браком», был не началом, а составной частью этого процесса.

Фактически Ивану III удалось повторить культурный скачок князя Владимира. Тот, приняв византийское Православие, религию самой развитой на тот момент цивилизации, сумел компенсировать для Руси то тысячелетие цивилизационного развития, которого у неё, в отличие от Франции или Англии, не было. Иван III почувствовал потенциал ренессансной Италии раньше, чем её западные соседи.

К тому моменту, когда в 1494 году начались Итальянские войны, перенесшие Ренессанс через Альпы, в Москве уже 15 лет как стоял построенный Аристотелем Фиорованти Успенский Собор, несомненно – один из шедевров ренессансного зодчества, органично соединивший византийские, русские, готические и собственно ренессансные мотивы. Затем следует великокняжеский дворец, от которого сохранились Грановитая палата и Золотая Наугольная палата, колокольня Ивана Великого, кремлевские стены и башни, Архангельский собор-усыпальница. Всего за несколько десятилетий рубежа XV–XVI века Московский Кремль превратился в один из самых заметных ренессансных архитектурных комплексов тогдашней Европы.

Тот расцвет, который ренессансная архитектура получила на русской почве, был, конечно, не случаен. Художественные принципы Ренессанса лучше рифмовались с принципами византийско-русской православной архитектуры, нежели готика, которой была застроена остальная часть Северной Европы. Итальянская архитектура не прижилась ни во Франции, ни в Германии, ни в Польше, зато оказалась совершенно органична в России. И сегодня оказавшись на севере Италии – в Вероне или Милане, невозможно не испытать восхищенной растерянности от узнавания «кремлевских» зубцов на стенах замков Скалигеров и Сфорца и даже рядом с «балконом Джульетты» в Вероне.

Но, помимо переворота в искусстве, эпоха Ивана III – это и значительный подъём в области литературы и церковной мысли, проходивший в своеобразной форме русской контрреформации. Основные литературные достижения этой эпохи связаны с полемикой защитников Православия против ереси жидовствующих, пользовавшихся определенным попустительством Великого Князя. Полемику против еретиков вели святитель Геннадий Новгородский, наряду с собственными посланиями инициировавший первое полное русское издание Библии (недостававшие в старых славянских переводах части были заново переложены с латыни) и преподобный Иосиф Волоцкий, написавший обширный «Просветитель» и сформулировавший принцип «Русская земля ныне благочестием всех одолела».

«И якоже древле нечестием всехъ превзыде Руская Земля, тако и ныне благочестием всехъ одоле. Во инехъ бо странах аще и мнози быша благочестивии и праведнии, но мнози беяху и нечестивии, и невернии, с ними живуще и еретическая мудръствующа. В Рустей же земли не токмо веси и села мнози сведоми, но и гради мнози суть единого пастыря Христа едина овчата суть, вси единомудръствующе, и вси славяще Святую Троицу» – такова сформулированная в «Просветителе» преподобным Иосифом Волоцким именно в царствование Ивана III доктрина русского «православного национализма», в котором основанием национальной гордости выступает верность евангельскому слову и неповрежденному церковному учению.

В полемике с ортодоксально-националистическим направлением Геннадия и Иосифа оформляется мысль «нестяжателей», возводивших себя (не всегда обоснованно) к Нилу Сорскому, выступавшему за обращение к чуждому мирских дел аскетизму и сравнительно снисходительное отношение к еретикам.

Из околореретических кругов, связанных с Еленой Волошанкой, вышли «Сказание о князьях Владимирских», возводившее русских государей к родичу Августа Кесаря – Прусу и «Сказание о Дракуле» – написанный Фёдором Курицыным первый учебник политического макиавеллизма до Макиавелли. В начале XVI века, как закономерный итог «иоанновской» культурной революции, расцветает самобытная русская публицистика.

Наименее ярким оказался образ Ивана III, как ни парадоксально, в истории Русской Церкви. Святым боголюбцем, в отличие от многих своих предшественников и преемников, он в церковной памяти не остался. Для Великого князя был характерен значительный вероисповедный прагматизм, отсутствие той глубинной религиозности, которые отличали его отца или его внука. В этом в нём тоже чувствовалось ренессансное начало. В окружении Великого Князя были и многочисленные католики-итальянцы, и еретики-жидовствующие, как дьяк Фёдор Курицын. Он каждому находил применение.

Однако удивительным было смирение Великого князя перед Церковью. В решающую минуту он никогда не ставил себя выше Неё. Вот сопровождающий Софью Палеолог папский легат Антоний пытается торжественно войти в Москву, неся перед собой латинский крест. Митрополит Филипп I реагирует на это обращенной к Ивану III угрозой: *«Он во врата граду, а яз, богомолец твой, другими враты из града»*. Изречение, которое будь мы внимательней к своей истории, могло бы попасть в список крылатых – как «Париж стоит мессы», только наоборот. И князь немедленно посылает к легату требуя убрать символ униатских замыслов, да и сами замыслы благополучно проваливаются.

Покрывая еретиков и еретичествовавших иерархов, Великий князь, однако, не мешает святителю Геннадию Новгородскому и преподобному Иосифу Волоцкому обличать ересь и выводить её на чистую воду. В конечном счете, он принимает политическое решение: вырвать ядовитые корни ереси с Русской Земли. Источники не позволяют нам в полной мере оценить соотношение политических, личных и религиозных мотивов, побудивших Великого князя отказаться от воцарения Димитрия-Внука и покровительства его матери – Елене Волошанке, но промыслительный религиозный смысл событий 1503–1504-го годов был несомненным. Стоящий на пороге смерти и подводящий итог своему наследию Великий князь сумел стать больше самого себя, выступить не только прагматичным князем Московским, но и православным Государем Третьего Рима. Русская Земля действительно благочестием всех одолела.

* * *

Отличавшийся исключительным масштабом дарований, Иван III на голову превосходил современников как стратег. Его армии действовали на пространстве от Крыма до Югры, он уничтожал республики и сотрясал царства, он менял маршруты и правила мировой торговли. Именно при нём начался культурный и идеологический переворот, приведший к созданию великой русской культуры как всеевропейского и всемирного явления. Но центром, сердцем всего этого масштабного процесса была идея России как национального государства, как политического учреждения всей Русской Земли.

Великий князь Иван Васильевич стал Государем Всея Руси. «Отчина» стала Отечеством.

Что читать об Иване III:

- 1) *Алексеев, Ю. Г.* Под знаменами Москвы. Борьба за единство Руси. – М.: Мысль, 1992;

- 2) *Алексеев, Ю. Г.* Освобождение Руси от Ордынского ига. – Л.: Наука, 1989;
- 3) *Алексеев, Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. – СПб: Издательство СПбУ, 2009;
- 4) *Базилевич, К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV века). – М.: Издательство МГУ, 1952 [переиздание: М.: Территория, 2001];
- 5) *Базилевич, К. В.* Образование Русского национального государства. Иван III. – М.: Воениздат, 1946;
- 6) *Борисов, Н. С.* Иван III. – М.: Молодая Гвардия, 2006;
- 7) *Борисов, Н. С.* Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света: Россия в 1492 году от Рождества Христова или в 7000 от Сотворения Мира. – М.: Молодая гвардия, 2005;
- 8) *Володихин, Д. М.* Полководцы Ивана III. – СПб: Петербургское востоковедение, 2017;
- 9) *Зимин, А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). – М.: Мысль, 1982;
- 10) *Кром, М. М.* Рождение государства. Московская Русь XV–XVI вв. – М., 2018;
- 11) *Матасова, Т. А.* Софья Палеолог. – М.: Молодая гвардия, 2016.

Иван Грозный Правда первого Царя

25 августа 1530 года в подмосковном селе Коломенском у Великого князя Московского и Всея Руси Василия Ивановича родился долгожданный наследник, Иван, который получит в новейшей историографии прозвание Грозный.

Мало о ком ведется в русской истории такое количество ожесточенных споров: кровавый тиран и сыноубийца – или первый царь, искоренитель измены; пророк, видевший на столетия вперед государственные интересы – или неудачник, лишь портивший то, что делали мудрые советники, которых он в итоге переказнил; создатель Великой России – или разрушитель, ввергнувший страну в страшную Смуту.

Крайность порождает крайность. Решительное «Нет» – решительное «Да» и наоборот. Повторение германской пропаганды времен Ливонской войны о «кровавом тиране» соревнуется с мифом о «святом царе», профанирующим само понятие святости.

Эти крайности порождают ужасающую несправедливость. На столетия была сдвинута на периферию внимания историографии великая битва при Молодях в августе 1572 года, в которой речь шла о самом существовании Русского государства, – лишь потому, что относи-

лась к тому периоду царствования царя Ивана Грозного (1530–1584), который решено было считать мрачным и состоящим из одних теней. С другой стороны, попытки доказать полную непричастность Ивана Васильевича к опричным преступлениям, или к смерти его сына Ивана порождают конструкции на грани пресловутой «фоменковщины», строящиеся на демагогическом отвержении исторических источников и фактов. Иногда и вовсе доходит до кощунства, когда «иоанновцы» начинают обличать как «врагов народа» святых – замученных по царской воле митрополита Филиппа и игумена Корнилия.

Причина, по которой историческому разуму и памяти так трудно справиться с эпохой Ивана Грозного состоит, пожалуй, в её чрезвычайности и насыщенности. Если сейчас просто выписать её основные вехи – войны и походы, государственные реформы, церковные и земские соборы, бунты и казни, творения русской культуры и духа, деяния великих и мелких людей, то голова уже пойдет кругом – практически невозможно будет вместить в себя и как-то уложить множество ярких событий и противоречивых тенденций.

XVI столетие было чрезвычайно ярким во всей Европе – это была эпоха Реформации, конца Ренессанса, итальянских войн, гугенотских войн, нидерландского восстания, освоения Нового Света и закрепления европейцев на пути в Индию, первых шагов капитализма. Но, всё-таки, даже если взять любую из европейских стран той эпохи – Францию, Испанию, Германию, Англию, то её история в отдельности окажется гораздо беднее и скучнее той, что пережила при царе Иване Россия. Ход событий на Русской равнине был равен по насыщенности истории не одной отдельной страны, но целого континента. Разумеется, человек, вмещавший в себя полустолетнюю эпоху на огромном пространстве и все её противоречия, не мог и сам не быть соткан из противоречий.

Прежде всего, царствование Ивана Грозного имело своим результатом изменение масштаба русского пространства, а, следовательно, и русской истории.

Иван Васильевич ещё в молодые годы был провозглашен и помазан первым Царем Всея Руси – этим символическим и мистическим событием увенчалось создание единого и великого Русского Государства на основе Московского княжества. Династия Ивана Калиты собрала Русские Земли и создала великое православное царство, сохранившее веру после духовного и политического падения Византии. Соединение русского национального государства и вселенского православного царства, продолжателя мистической имперской традиции Ветхого и Нового Рима, дало великую державу континентального масштаба самосозидание которой началось именно при Иване IV.

Присоединение Казани, Астрахани, и объединение под царской рукой всего Поволжья. Начало борьбы с Крымским ханством за Дикое Поле, плодом коего было формирование казачества, создание Большой Засечной Черты и строительство городов-крепостей, включая Орёл, увековечивший ныне своего основателя. Выход русских на Кубань и Терек. И, наконец, начало блестящей Сибирской эпопеи, в которой царь сумел использовать в государственных целях энергию русского предпринимательства в лице Дома Строгановых. Россия Ивана Грозного увеличилась без малого вдвое и стала той Россией, для которой со всей определенностью начал действовать эффект «отдачи от масштаба», без которой русский исторический успех попросту немислим.

Именно при царе Иване Россия стала глобальным геополитическим и геоисторическим игроком, действия которого оказывают долгосрочное влияние на весь ход мировой истории.

На южном фланге Россия оказалась невольным участником великой антитурецкой войны. Именно поражения, нанесенные Османской империи и её крымско-татарскому вассалу на Мальте (1565 г.), под Астраханью (1569 г.), при Лепанто (1571 г.) и у Молодей (1572 г.) остановили раскручивание маховика османской экспансии в Европе и Азии. Султаны стали переходить к обороне.

Однако война за Астрахань, в которой князь Серебряный разгромил присланное из Константинополя 30-тысячное турецкое войско, включавшее янычар, в нашей истории оказалась забыта. Ещё более чудовищным является пренебрежение битвой при Молодах, хотя в ней решалась сама судьба России. Эта битва по праву должна находиться в одном ряду с Куликовской, Полтавской, Бородинской и Сталинградской, а её герои – князь Михаил Воротынский и воевода Дмитрий Хворостинин – войти в пантеон величайших русских полководцев. Не так давно события этой битвы описаны в замечательном романе Дмитрия Володихина «Смертная чаша».

XVI век был эпохой, когда Великая европейская морская экспансия привела к «первой глобализации» – мореплаватели стали исходить из того, что земля – шар и пользоваться этим фактом в исследовательских, торговых и завоевательных целях.

Драматичным было вхождение России в глобализацию на северном европейском направлении. Развернув интенсивный торг с англичанами и голландцами в районе Печенги, а затем Холмогор и Архангельска, Россия Ивана Грозного подключилась к самому ядру формирующейся европейской капиталистической мир-системы. Для обеих северных протестантских капиталистических стран именно «московская торговля» была теми парусами, которые вынесли их на командные позиции в мир-экономике.

Англичане старались выбивать себе торговые привилегии и влиять на политику Москвы, пытались даже поставить царя под контроль через врача и астролога Бомелия, последователя Парацельса, пользовавшего Ивана опийными настойками и натравливавшего Государя на собственных бояр и воевод. Но и после лютой казни Бомелия влияние англичан на русскую политику сохранялось и даже усиливалось. К концу правления Ивана IV, Джером Горсей – резидент главы английской разведки Уолсингема – был, мягко говоря, не рядовым человеком на Москве. Смерть царя не случайно была встречена радостным восклицанием главы русской дипломатии дьяка Щелкалова: «Помер ваш английский царь!»

Но в целом, нельзя не признать, что царь Иван встретил этот глобалистский вызов достойно. Он заставил англичан рассматривать Россию как равного партнера, превратил масштабную торговлю с Лондоном в неиссякаемый источник серебра для царской казны, позволявший вести масштабную политику.

XVI век был эпохой проникновения раннекапиталистической торговой экспансии европейцев всюду. В большинстве случаев экономическая экспансия шла рука об руку с политической и военной. В большинстве случаев она приводила к разрушению суверенности тех обществ, куда проникали «просвещенные мореплаватели». В большинстве случаев торговый обмен производился европейцами частично или полностью внеэкономическими методами. Россия, конечно, была крепким орешком, но ничто не говорило о том, что решить с ней вопрос будет сложнее, чем с какой-нибудь Бенгалией. Строго говоря, под европейцами можно было либо сломаться, как это сделали большинство тогдашних обществ, либо их прогнать, пока были силы, как хватило мужества и мудрости поступить японцам в сёгунат Токугава.

Политика Ивана IV оказалась третьим решением, которое в полном объеме никто так и не смог в мире повторить. Иван произвел абсолютную монополизацию внешней политики (не торговли, торговля была в частных руках, а именно политики – установления правил игры, переговорного процесса и т. д.). Иван IV значительно опередил свой век, создав подлинный внешнеполитический моносубъект гораздо раньше, чем та же степень моносубъектности была достигнута в большинстве европейских стран. В России была создана система профицитной внешней торговли, которая финансировала русское государство за счет англичан и голландцев, причем эта система позволяла выходить из убийственных для большинства стран тогдашней Европы финансовых кризисов вроде того, с которым столкнулась Россия в середине XVII века, в эпоху Медного Бунта.

«Иван Грозный пытался установить автономию Российского государства от европейского мира-экономики, и, в краткосрочной перспективе, это, как мы видим, ему удалось... Он не пускал незваного гостя на порог достаточно долго, чтобы впоследствии, когда этот мир-экономика всё же поглотит Россию, она вошла в его структуру, как полупериферийное государство (наподобие Испании XVII–XVIII веков), а не как периферия типа Польши», – отмечал создатель мир-системного подхода американский социолог Иммануил Валлерстайн.

Именно торговая угроза с Запада подтолкнула Россию к решительному расширению в Сибирь. В Европе того времени, прежде всего – в Англии, существовала мечта о достижении Китая «Северным путем» – либо в обход Азии, либо по течению реки Оби, от истоков которой, якобы, быстро можно добраться до китайской столицы. При этом «царь Московитов» воспринимался как препятствие, а преодоление этого препятствия планировалось на пути создания своего рода «полярного Гонконга». «Очень хорошо, если бы вы отыскиали какой-нибудь небольшой островок на Скифском море, где мы могли бы в безопасности основаться...» – говорилось в инструкции, данной «Московской компанией» капитанам Пэту и Джекману в 1580 году, за год до похода Ермака. Поход в Сибирь и её присоединение были превентивной акцией по предотвращению колониального перехвата англичанами или кем-то, кому ещё могло прийти в голову попытаться плавать в Китай по Оби.

Борьбу Ивана Грозного за Ливонию невозможно понять, если не ставить её в этот двойной контекст – русской ирреденты, формируемой представлением о границах «вотчины Рюриковичей», и поиска удобных торговых маршрутов, в рамках которого царь сразу же развернул бойкую торговлю в Нарве и снарядил на Балтике целый корсарский флот в стиле Хокинса и Дрейка.

Именно Ивану IV первому пришлось столкнуться с феноменом «санитарного кордона», которым восточноевропейские соседи России пытались отгородить Россию от стран европейского ядра. Именно эти санитарные задачи преследовала развязанная против царя истеричная клеветническая кампания. Восемьдесят так называемых «летучих листков» были напечатаны в Германии специально для агитации против русских и их Государя. И именно в них впервые возник образ Ивана как чудовищного кровожадного злодея, убийцы и людоеда.

Необходимо понимать, что образ «кровожадного Ивана» формировался в Европе не на основании действительных или мнимых жестокостей русского государя, а с помощью выведения его предполагаемых свойств из ярлыка «тирана», приклеенного ему русофобской публицистикой:

«Место в иерархии правителей мира для Ивана Грозного было определено чётко и однозначно: тиран... – отмечает один из ведущих специалистов по эпохе Ивана Грозного А. И. Филюшкин, – Показательно устойчивое использование термина тиран применительно к Ивану IV: так в европейской публицистике до того называли преимущественно турецкого султана, а также Лютера. Присвоив это имя русскому правителю, западные гуманисты синхронно перенесли на него всю семантическую нагрузку понятия тиран, сформировавшуюся ещё на античной экзегетической традиции. Поэтому им не надо было углубляться в изучение качеств и поступков московитов: заранее было известно, как держат себя тираны и каковы модели поведения их несчастных подданных... Ивана Грозного сравнивали с античными деспотами... Один из самых обширных списков содержится у Гваньини: “Ныне тот, кто владеет Московитской державой, превосходит своей жестокостью Нерона, Калигулу, Гелиогабала, Максимиана, Фаларида Агригентского или даже Бусирида или Мезенция и, наконец, всех тиранов, которые описаны и ославлены историками, а также поэтами”».

Нельзя сказать, что Иван IV справился с задачей прорыва этого кордона – к сожалению, тут он потерпел скорее неудачу, в том числе и из-за своей несдержанности, грубости, задиристости и высокомерия как дипломата. Но он вел трудную борьбу более двух десятилетий и заставил противника изрядно понервничать. Изнурительная борьба за Ливонию, принеся на

первом этапе блистательные победы – взятие Нарвы и Феллина, отвоевание Полоцка, Ливонский поход 1577 года, закончилась неудачей в результате войны на два фронта против Польши и Швеции в 1578–1582 годах. Но эта борьба заложила предпосылки того, что в течение следующих полутора столетий все поставленные Иваном задачи были выполнены и перевыполнены.

Если искать ближайшую аналогию Ливонским войнам (1558–1583 гг.), именно войнам, а не войне, – единственное число тут – произвольная историографическая конструкция для того, чтобы усилить ощущение поражения, то её указал еще полтора столетия назад выдающийся русский историк Т. Н. Грановский. Это Итальянские войны, сотрясавшие Европу почти в то же время (1494–1559 гг.). Их протагонистом была Франция, пытавшаяся завоевать Италию, одержавшая немало громких побед и потерпевшая ряд ужасных поражений. В конечном счете, эти войны закончились для Франции неудачей, восторжествовала ненадолго Империя Габсбургов, однако тоже крайне истощенная противостоянием. После Ливонских войн начался подъём Речи Посполитой и Швеции, однако не прошло и полтора столетия, как обе эти силы были сокрушены взаимным столкновением, а затем добиты Россией.

Вряд ли было бы уместно говорить о «слабости» и «ничтожестве» Франции по факту её конечной неудачи в итальянских войнах и столь же нелепо говорить о слабости России по факту неудачи войн Ливонских: два десятилетия шла борьба на равных с двумя опаснейшими соперниками – Речью Посполитой и Швецией, которым с тыла содействовало Крымское ханство, и борьба была сведена «вничью», причем у Швеции Россия вскоре выиграла войну-реванш 1590–1593-го годов.

Эпоха Ивана Грозного – это период становления России в формате «национального государства» – современного суверенного государства с властной вертикалью, внятной административной системой, постоянной армией, регулярными финансами, системой сословно-представительных учреждений.

Первый этап этого становления связан со своеобразной «революцией» отечественных «джентри» и «буржуазии», которая была запущена в 1549 году, после пожара Москвы и последующего восстания москвичей. В результате этого восстания олигархия временщиков была свергнута, а власть перешла в руки правительства лидерами которого были представитель дворян Алексей Адашев и выходец из городского среднего класса священник Сильвестр. Их эффективную связь с молодым царем осуществлял митрополит Макарий.

Деятельность этого правительства и вошла в историю как блестящий период «Избранной рады» (при всей спорности этого изобретенного Курбским термина) – поток быстрых впечатляющих реформ, выковавший современную Россию.

Судебные и административные преобразования, начало совещаний, которые с легкой руки К. С. Аксакова получили в современной историографии имя «земских соборов».

По сути, соборы были соединением государевой думы, церковного Освященного собора и приглашенных представителей «детей боярских», а затем и купечества. Нельзя согласиться со скептической формулой В. Ключевского, назвавшего земские соборы «совещанием правительства со своими собственными агентами», выросшим из административной необходимости, а не из политических потребностей. Большинство соборов были как раз продуктами политической борьбы, как тот же «собор примирения», собранный после большого городского восстания.

Представителями своей братии, а не агентами правительства, чувствовали себя участники ранних московских соборов, а потому и говорили уверенно и не по шаблону, чувствуя поддержку того сообщества, выражать мысль которого были призваны. «Уже самые первые московские соборы представляли собой государственные совещания. Они приобщали к вопросам внешней и внутренней политики сотни людей – вплоть до рядовых помещиков и купцов. Тем самым резко расширялась сфера публичной политики», – отмечает историк М. М. Кром.

«Судебник» Ивана IV впечатляет своей логикой – логикой обеспечения равных прав и всесословной защиты прав личности, распространявшейся на крестьянина. Взять под стражу крестьянина ни по суду, ни до суда наместники не могли иначе, как испросив на то согласия у общинных выборных начальников, старост и целовальников. По сути, это был русский вариант Habeas Corpus ⁴. Более того, законодатель предоставлял крестьянским общинам право самоуправления, раскладки податей и надзора за порядком на своей территории.

Мятежная «революция» снизу перетекла в реформу сверху. В этом была её первоначальная сила, пока намерения преобразователей совпадали с намерениями царя, но и последующая слабость – когда программа царя изменилась, у правительства реформаторов не оказалось низовой поддержки, да вряд ли они и мыслили всерьёз о ней.

Программа самого царя состояла в утверждении самовластия, централизованной военной монархии по османскому образцу, заданному в сочинениях Ивана Пересветова. Некоторые исследователи не без оснований полагают, что это – публицистический псевдоним царя и уж точно это произведение кого-то из его окружения. Стремясь создать монархическую систему, послушную лишь единоличной воле, Иван IV закономерно вступал в противоречие и с боярским сословием с его круговой порукой, и с Церковью, с её административной и нравственной автономией, и с горожанами, не вполне лишенными чувства привилегий и собственных прав.

Отсюда и попытка создания государства-в-государстве – Опричнины с разделением страны на две зоны и созданием лично преданного властителю «черного корпуса». Иван IV затребовал у боярства, Церкви и народа не только чрезвычайных диктаторских полномочий, выбивавшихся за рамки традиционных ограничений царской власти, но и осуществил фактический развод Государя и государства. Если до того момента об интересах России говорилось как о «деле Государевом и земском», то царь Иван попытался государево от земского отделить.

В итоге Земщина оказалась государством как таковым, традиционным Российским государством предшествующих веков, в то время как Опричина стала родом личной царской вотчины с чрезвычайным негосударственным порядком.

И именно этот развод доказал силу уже сложившегося Российского государства: даже в таком чудовищном разладе оно функционировало надежно и справлялось со своими функциями, выдерживая не только внешние удары, но и приступы гнева и безумия самого царя, выражавшиеся в опалах, казнях и массовом терроре, как расправа над Новгородом.

Исторический опыт Опричнины показал, что это был очень неудачный политический инструмент – царь залил страну кровью, не только не истребив измену, но и заложив предпосылки десятилетней гражданской войны Смутного Времени. Ослабление автономных социальных структур и слоёв сделало державу скорее слабее, что сказалось в последовавших событиях смуты. Особенно пагубно сказались опричные жестокости и разорения на состоянии помещичьей конницы, которая была почти разорена. Ослабление русского дворянства выразилось и в неудачах последних Ливонских войн и в последовавшей смуте.

Однако при оценке Опричнины нужно отказаться от одного ложного убеждения – а именно мнения о гражданской недоразвитости России XV–XVI веков, безгласности и безропотности её сословий, покорности, делавшей излишними и параноидальными жестокими меры царя. Напротив, русское общество иоанновой поры было весьма активным, своевольным и упорным. Ивану понадобилось разделить государство, чтобы хотя бы часть этого государства подчинилась царскому деспотизму беспрекословно.

Даже такое учреждение как земские соборы продолжало не только действовать, но и перечить царю, как, к примеру, собор 1575 года, отказавшийся утвердить отмену льгот для Церкви.

⁴ «Должен иметь тело» (произвольный перевод части латинской фразы *habeas corpus ad subjiciendum* – «представь арестованного лично в суд»). Так с XV века называли институт английского уголовнопроцессуального права, в основе которого была защита личности и её прав. – *Прим. ред.*

Ивану пришлось пойти на трюк с назначением «царя» Симеона Бекбулатовича, чтобы продать это решение. Если мы обратимся к публицистике Ивана Грозного, то обнаружим у него выраженную неприязнь к парламентскому правлению, за допущение которого он так раздражается на своего контрагента – английскую королеву Елизавету.

Ни одному из монархов-тиранов той страшной эпохи не был брошен публичный словесный вызов, как это случилось с посланиями князя А. Курбского. И уж тем более ни один монарх не счёл бы нужным на такой вызов ответить, как это сделал Иван. Та, дошедшая до точки кипения, атмосфера публицистических споров, начавшихся в России с конца XV века, попросту исключала отказ от ответа.

Эта публичная дискуссия царя и боярина ещё раз напоминает: Россия Ивана Грозного – это страна исключительно высокой культуры, скрестившей православную русскую традицию со стремительно усвоенными культурными принципами Ренессанса. В литературе, архитектуре, живописи это период активного, высокоидеологизированного масштабного творчества, в котором мизерное количество делателей компенсировалось необычайной их плодотворностью и масштабностью работ: Храм Покрова Пресвятой Богородицы на Рву (Храм Василия Блаженного) и церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи в Коломенском, икона «Церковь воинствующая», «Домострой», «Великие Четьи Минеи», «Лицевой свод», «Казанская история», «Степенная книга», публицистика, включая произведения самого царя. Невозможно переоценить вклад учителя царя святителя митрополита Макария в то, что множество региональных культур удельной Руси было собрано в единое организованное целое общерусской культуры. Именно при Иване Грозном и не без его решающего участия русская культура оформилась как система.

Итак, если говорить о царствовании Иоанна Грозного, то это было оформление России, причём сразу в четырёх аспектах: оформление России как пространства; оформление места России в глобальной системе; оформление России как национального государства современного типа; и оформление русской культуры как целостной системы. Совершенно очевидно, что исторический масштаб Государя, в правление которого совершились такие тектонические изменения, заслуживает уважения.

И не следует ни в коем случае соглашаться со словесными манипуляциями, приписывавшими все достижения добрым советникам, а все провалы – лично царю. Каждый властный монарх выдвигает целую плеяду советников и деятелей, которые и составляют славу его царствования и их слава вплетается в его славу. Наличие таких энергичных «птенцов гнезда» говорит многое о талантах самого монарха.

Иван Грозный тоже выдвинул целый ряд великих советников. Вначале это были его наставники – митрополит Макарий, Адашев, Сильвестр, а также такие значительные фигуры как дьяк Иван Висковатый, боярин Михаил Воротынский, военный инженер Иван Выродков. Эти советники и соратники сошли с исторической сцены или были казнены царем. Но если бы он был той бездарностью, которой его ославляют клеветники, то им на смену никто бы не пришел.

Однако, не говоря об опричниках, среди которых было немало одаренных людей, попавших под нож породившей их системы, на день своего ухода царь Иван оставил целую плеяду выдающихся личностей, которым смело мог поручить государство.

Князь Иван Мстиславский – выдающийся полководец и один из столпов государства. Князь Иван Шуйский – славный защитник Пскова. Воевода Дмитрий Хворостинин, настоящий военный гений, герой Молодей, выигравший войну у Швеции, что позволило России вернуть все потери собственной территории по итогам Ливонских войн. Братья дьяки Андрей и Василий Яковлевич Щелкаловы, руководившие внешней политикой и администрацией России, взявшие курс на восстановление внешнеполитического суверенитета и ограничившие английские торговые привилегии.

После смерти Иван Грозный оставил не менее сильную команду, нежели та, что помогала ему в молодости. Хотя характер этой команды, не будем спорить, изменился – на смену масштабным и самостоятельным политикам пришли надежные и хитроумные исполнители. Что свидетельствует – «абсолютистский» замысел царя в целом ему удался.

Вряд ли возможно нарисовать одной лишь краской Ивана Грозного и тот исторический путь, который проделала при нём Россия. Царь был личностью яркой, харизматичной, нервной, жестокой; он был амбициозным политиком с грандиозными замыслами – и слишком своевольным и злоязычным дипломатом для их воплощения; он истомил себя излишествами и управлял последние десятилетия, преодолевая чудовищные боли, порой мутившие ясный рассудок; способный к сильным решениям, он проявлял в них бессмысленную театрализованную жестокость. Способный каяться за свои зверства и замаливать грехи, он так и не осознал, похоже, системной проблемы развязанного им террора. Глубоко религиозному православному христианину, ему категорически не хватало смирения перед Церковью.

Показательна в этом смысле была трагедия царского сына Ивана, которую одни подають в ключе картины Репина, другие пытаются вовсе отрицать. Что же произошло на самом деле? Определенное политическое напряжение между сыном и отцом вырвалось 9 ноября 1581 года во время приступа царского гнева на невестку. Пытавшийся остановить приступ ярости отца сын был избит с помощью острого посоха, получил раны, которые привели к заболеванию, от которого он, несмотря на лечение лучших иностранных докторов (или как раз из-за этого лечения), скончался спустя несколько дней, что повергло царя Ивана в неопишемую скорбь.

Царь причинил смерть сыну не намеренно, очень печалился, и этот случай сильно смягчил его сердце – он счел смерть наследника Божьим знаком и поехал на богомолья замаливать грехи, послал богатые подарки в монастыри, прося молитв за упокой сына и за себя, составил особые списки пострадавших от его гнева – синодики – и разослал их по монастырям с просьбой молиться за упокой жертв.

Реальное поведение царя Ивана гораздо лучше показывает, что он был человеком, способным к покаянию и нравственному изменению, действительным христианином, твердым в православной вере, чем попытки ценой явной софистики и лукавства снять с него те преступления и грехи, которые он и в самом деле совершил.

Но после себя Иван Васильевич оставил наследником другого сына. Не менее, хотя и совершенно иначе великого, нежели отец. Пора уже наконец-то избавить святого Феодора Иоанновича от клейма «неспособного к правлению дурачка», закрепленного не очень удачной в историческом смысле драмой А. К. Толстого. Он и в самом деле не был воином или «эффективным менеджером». Он был молитвенником. И доказал, что царство на молитве стоит прочнее, чем стояло на страсти, как у его отца, или даже на уме, как у его шурина Годунова.

Именно при Фёдоре Иоанновиче Россия присоединила Сибирь, двинулась на Дикое Поле, застраивая его крепостями, приросла городами – Архангельском, Тобольском, Саратовом, Царицыным. Блестяще проведена война-реванш со Швецией и возвращено устье Невы. Царь вымолил у Бога и новую славу для русской Церкви – именно при нём московский владыка наречён был «Патриархом Московским, Всея Руси и Северных стран». Неверующие историки, конечно, все успехи этого царствования связывают исключительно с деятельностью умного правителя Бориса Годунова, состоявшего при вечно молившемся царе. Однако в 1598 году правитель остался один и у него всё рухнуло за четыре года. Тогда-то современники и поняли, что человеческое хитроумие было ничто без благочестия царя-праведника.

«У него не было “брани против плоти и крови”, но неприятелей своих он одолевал молитвою. – писал о Фёдоре Иоанновиче в своём «Временнике» дьяк Иван Тимофеев. – И настолько помогала ему сила молитвы, что ею он привлекал на себя милость Божию... Если кто, зная это, теперь с верою призовет его в молитвах, – не согрешит, и я первый из всех не поленюсь это сделать. Ибо во дни его десница Творца Мира лучше всякой человеческой надежды самостоя-

тельно управляла и сохраняла его царство». Благоверный Царь Фёдор прославляется в составе Собора Московских святых, но, возможно, и Церкви и обществу не помешало бы установление отдельного празднования в честь этого великого праведника, молитвами добившегося больше, чем иные мечом и топором.

Фёдор Иоаннович был во многом противоположностью отцу. И всё же он был его сыном. И если сын стал святым, то, значит, в нервной напряженной религиозности отца было то, что эту сыновнюю святость воспитывало и формировало.

Как бы то ни было, для большинства русских историков характерно уважительное отношение к Ивану Грозному, – даже негативная оценка его личностных черт чаще всего сочетается с признанием величия его эпохи.

«Век задавал важные вопросы, а во главе государства стоял человек, по характеру своему способный приступить немедленно к их решению», – утверждал С. М. Соловьев.

«Гнусными проявлениями жестокости и цинизма не исчерпывалась духовная жизнь и деятельность Грозного в эти мрачные годы. До самой смерти он хранил в себе добрые уроки времён Избранной рады, её метод широкой постановки очередных тем управления и способность систематического выполнения их на деле. Как ни судить о личном поведении Грозного, он останется как государственный деятель и политик крупной величиной», – подчеркивал С. Ф. Платонов.

«Страстный, увлекающийся, Иван Грозный упорно шёл к намеченной цели: ломая на своём пути все преграды, беспощадно расправляясь со всеми противодействовавшими ему, он создавал политическую силу, которая позволила русскому народу преодолеть грозившую ему извне опасность и выйти на широкое историческое поприще», – настаивал С. В. Бахрушин.

«Это был проницательный политик, по-своему понимавший сложные внешне- и внутри-политические задачи России... Его, пожалуй, можно сравнить с неумелым лоцманом, знающим место назначения корабля, но упорно сажающим его то на мель, то на незаметный риф... Иван IV был сыном блистательного, но жестокого века, когда бурное развитие гуманистических теорий совпало с истреблением тысяч инакомыслящих во время религиозных войн и с деспотическим правлением взбалмошных монархов... Полубезумный шведский король Эрик XIV запятнал себя не меньшим количеством убийств, чем Грозный. Французский король Карл IX участвовал в беспощадной резне протестантов в Варфоломеевскую ночь 24 августа 1572 года. Европейские монархи XVI столетия, эпохи формирующегося абсолютизма, не уступали друг другу в жестокости. Грозный отличался от них лишь тем, что стал вдобавок ко всему сыноубийцей», – выносил свой вердикт А. А. Зимин.

Для того чтобы лучше понять Ивана Грозного, его можно сопоставить... с Людовиком XIV, блистательным французским «королем-солнцем», кажущимся образцом гламура и изящества, не то что «чудовищный русский тиран». Однако если приглядеться, Иван и Людовик окажутся довольно похожи.

Оба монарха вступили на престол в детском возрасте, и их правление в этот период сопровождалось многочисленными смутами. Смуты при Людовике были сильнее – война Фронды, но и повезло ему больше: его мать Анна Австрийская осталась жива, и у него был свой Мазарини. Иван свою Фронду и своего Мазарини получил более взрослым – московское восстание 1549 года потребовало радикальных реформ, а святой митрополит Макарий оказался гораздо более мудрым и эффективным наставником, чем кардинал-итальянец.

И Людовик, и Иван были абсолютистами и стремились к сосредоточению максимума реальной и символической власти в своих руках для чего, в частности, вынесли двор из столицы в собственные имения: Версаль и Александрову слободу. Оба символически возносили монархию: Иван – принятием царского титула, Людовик – разработкой придворного ритуала. Оба воевали с придворной аристократией, стараясь максимально её унижить, хотя Людовик, в силу временной форы в утончении цивилизации, не должен был для этого прибегать к жесто-

ким казням (которые, впрочем, щедро применяли его отец и Ришелье). Оба безжалостно расправлялись с неугодными советниками – хотя Людовик, в силу той же временной форы, не казнил прилюдно на площади Николя Фуке.

Оба государя были эстетами, театрами и женолюбцами. Людовик танцевал и заказывал комедии-балеты Мольеру и Люлли, Иван Грозный прославился как писатель и сочинял духовную музыку. Русский государь менял жен, французский король – любовниц.

Оба государя в молодые годы были окружены блистательными советниками и отважными маршалами: Летелье и Лувуа, Кольбер, Тюренн, Вобан – у Людовика; Макарий, Сильвестр, Адашев, Висковатый, Александр Горбатый-Шуйский, Михаил Воротынский – у Ивана. Оба государя к старости остались без этого круга, хотя царь преуспел более короля – у него и в конце правления были талантливые советники – братья Щелкаловы, Дмитрий Хворостинин, Иван Мстиславский.

Оба в молодости одерживали великие победы и добивались расширения своего государства, оба на вершине могущества устрашали Европу (один – западную, а другой – восточную), и это привело к формированию против них обширной коалиции. И оба под старость неудачно завершили главные войны в своей жизни – Ливонскую и за Испанское наследство.

Оба развязывали масштабную войну против своих подданных, которая, в конечном счёте, стоила государству слишком дорого, приведя к хозяйственному разорению и эмиграции: опричнина и изгнание гугенотов. Оба умирали среди поражения, голода и разорения, пережив себя и своё величие, потеряв своих детей-наследников и не оставив по-настоящему гарантированного надежного престолонаследия. У обоих были все основания смотреть на свою жизнь как на блистательную неудачу – всё так хорошо начиналось, и всё так невесело заканчивается.

Но вот только наследие Людовика XIV и Ивана IV различается качественно. Людовик XIV оставил после себя Версаль – строение и великолепный культурный миф, и страну в упадке, который вылился в революцию. Иван оставил после себя великую державу, один вид которой на карте захватывает дух. Оставил великий замысел, который после победы над Смутой был воплощен Алексеем Михайловичем, Петром Великим и Екатериной II. Наследие Ивана Грозного гораздо более фундаментально и заслуживает восхищения не меньше, чем его преступления заслуживают ужаса.

Для французов право Людовика XIV на статую перед Лувром, в Версале, в Лионе совершенно несомненно. И, разумеется, Иван IV имеет право на памятники не только в Орле и Александровой Слободе, но и в Свияжске, в Астрахани, в Архангельске, и на поле великой битвы при Молодях, на Кавказе, куда впервые вошли стрелецкие полки, в Сибири, которую присоединили к Русскому государству казаки Ермака, в Полоцке, который он возвратил в состав Русской земли, в Нарве, которую царь Иван сделал русской, и в Крыму, куда при нём впервые пришли русские войска.

При исторической оценке Ивана Грозного есть две опасности.

Первая – это клеветническое распространение частных черт характера и чрезвычайных поступков этого государя на всю его эпоху и всю историю России в целом. Попытка увидеть в пытках и казнях опричнины своего рода «квинтэссенцию» русской истории и, соответственно, превратить неприятие этих жестокостей в неприятие русского исторического пути как целого – а отсюда уже недалеко до осуждения взятия Казани, присоединения Сибири, недалеко до объявления Ливонских войн захватническими и агрессивными, а русской православной культуры – неизбежно порождающей деспотизм. В конечном счете, это приводит к сожалению в том, что в ходе последовавшей Смуты Россия не была завоевана Польшей.

Вторая опасность – прямо противоположная первой, но, по сути, вытекающая из того же образа истории. Это попытка объявить методы Ивана Грозного образцовыми для Русского государства. Мол, только так и можно с врагами, всюду измена; хочешь великой державы – пытай и вешай, по-другому в России нельзя. И вот уже деятельность православного царя пре-

вращается в апологетику кровавого террора большевистского узурпатора. По сути, это та же русофобия только с обратным знаком. Попытка политической канонизации самых отвратительных элементов правления Грозного – царя, при том, что его подлинные достижения при этом оказываются как бы второстепенными, а то и вовсе объявляются «деятельностью врагов». Как-то само собой получается, что Судебник или Казанское взятие превращаются в нечто незначительное по сравнению с восторгом массовых казней и убийством святого митрополита.

Русской истории надлежит отвергнуть оба этих искушения. Не в пытках и казнях суть исторического движения эпохи Ивана Грозного, а в раскрытии разнообразных и разнородных творческих сил русского народа, творившего свою историю руками своего царя. Суть эпохи – в территориальном расширении государства, в его внутреннем устройстве, в порывах творчества и духа, которых был не чужд и сам царь – публицист, историк и песнописец. Забытая Европой и Азией на краю земли страна на глазах превращалась в планетарную историческую силу. Сотни аспектов такого превращения обязаны были уместиться в мозгу и воле одного единственного человека, который был её самодержцем.

Чьему уму в полной мере выдержать такое испытание? Иван IV справился с ним достойней многих.

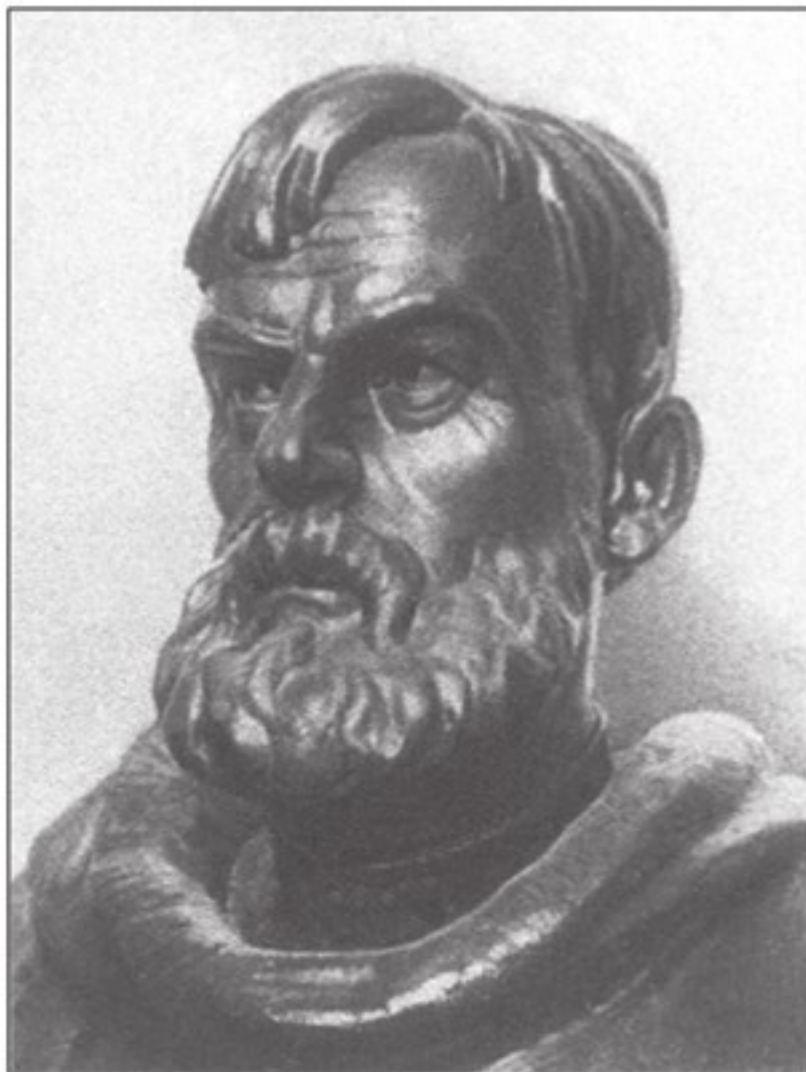
Жестокости были теми срывами, которых так трудно было избежать при внезапном изменении исторического масштаба, когда жестокость казалась самым простым способом ускорения процессов и сохранения их управляемости. Но именно жестокости Ивана Грозного проложили дорогу к Смуте, поставившей Россию на самую грань выживания. Апологетика аналогичных жестокостей на будущее, попытки объявить Ивана Грозного «первым Сталиным» и через это оправдать Сталина – путь к новым катастрофам.

Не жестокость была смыслом исторического процесса в эпоху Ивана Грозного. Этим смыслом было созидание Великой России.

Что читать об Иване Грозном и его эпохе:

- 1) *Веселовский, С. Б.* Очерки по истории опричнины. – М., 1963;
- 2) *Виппер, Р. Ю.* Иван Грозный. – М.-Л., 1944;
- 3) *Володихин, Д. В.* Иван IV Грозный: Царь-сирота. – М., 2018;
- 4) *Володихин, Д. В.* Воеводы Ивана Грозного. – М., 2009;
- 5) *Кром, М. М.* Рождение государства. Московская Русь XV–XVI вв. – М., 2018;
- 6) *Пенской, В. В.* Иван Грозный и Девлет-Гирей. – М., 2012;
- 7) *Филлюшкин, А. И.* Первое противостояние России и Европы. Ливонская война Ивана Грозного. – М., 2018;
- 8) *Шмидт, С.О.* У истоков российского абсолютизма. – М., 1996.

Семён Дежнёв Удачливей Колумба

Выработавшийся у нас в советскую эпоху канон рассказов о русских героях не любит «историй успеха». Родился в бедности, – не щадя живота своего служил государству, которое его заслуг не ценило, – враждовал с умевшими приладиться к начальству врагами, – скончался в нужде и опале, – достижения были забыты или присвоены корыстными иностранцами. По этому образцу ухитрялись излагать биографии Ермака, Хабарова, Ломоносова, Суворова, Ушакова, Лобачевского, Попова, даже Менделеева. Тенденцию эту трудно признать безвредной – она исподволь внушает молодым людям мысль, что служба России не только не получает заслуженной награды, но и лишена всякого личного смысла.

История успеха Семёна Ивановича Дежнёва (1605–1673) не укладывалась в этот мрачный канон, словно проходила поперёк него. Он сорок лет отдал службе Русскому государству на его северо-востоке, принимал участие во множестве сражений и дипломатических миссий, без числа раз ранен и не раз тонул, первым прошел через пролив между Азией и Америкой и оставил описание этого прохождения, исследовал и присоединил к России бассейн реки Анадырь вместе с богатейшими промыслами моржовой кости, ценимой тогда выше золота и даже соболей. Многотрудная и опасная служба Дежнёва принесла ему значительный материальный

прибыток, чин атамана, прочное уважение со стороны воевод, Сибирского приказа и самого Государя с боярской думой, и, наконец, всемирную посмертную славу.

Заслуга С. Дежнёва вспомнилась, едва началось научное изучение истории Сибири. Уже в 1736 году Герхард Миллер опубликовал, основываясь на найденных в архиве Якутской воеводской избы документах («отписках» атамана), рассказ о подвиге Дежнёва, который вскоре воспроизвел в своем «Кратком описании путешествий по северным морям» обычно во всем споривший с Миллером М. В. Ломоносов. Все довольно робкие попытки поставить под сомнение достижения Дежнёва, восходящие к тяготевшему к скептической школе историку Сибири П. А. Словцову, неизменно оканчивались полным фиаско – выяснялось, что скептики плохо знали и понимали документы, рассказывающие об открытиях атамана. Да и самих этих документов обретается в архивах достаточно много, чтобы жизнь и деяния «Семейки Иванова Дежнёва» не оставались бледной тенью, а предстали перед нами подлинной историей из плоти и крови, частью великого русского похода «навстречь солнцу».

«Россия создавалась Сибирью»

Плавание Дежнёва не было исторической случайностью – оно органически вытекало из геополитического призвания России и структурных особенностей русской цивилизации. Поэтому с уверенностью можно сказать, что в ту историческую эпоху, в середине XVII века, успешно совершить такое плавание не смог бы никто, кроме Семёна Дежнёва.

Геополитической предпосылкой этого плавания был сам характер России как государства, сформировавшегося среди переплетенных друг с другом бассейнов великих рек Евразии. На пути из варяг в греки возникла Русская Земля и, распространяясь по рекам, она разрасталась. Причем это распространение шло быстрее там, где не было, как в степной зоне, сильных противников-кочевников, потому волеяневолей Русь разворачивалась на Северо-Восток. Сперва органичной частью Руси стал прибалтийский Север, из которого холмогорские мужики двинулись морской дорогой не только на север, к Груманту, но и на Обь, Енисей и далее к «златокипящей» Мангазее, где ещё прежде основания острога кипела пушная добыча и торговля. Морская дорога, пусть и чрезвычайно трудная, позволяла совершить маневр между реками, миновать уральский «Камень» и немирных «иноземцев».

Предприятие Строгановых, отправивших Ермака на покорение Сибирского ханства, было попыткой найти более южную, поднадзорную их промышленному дому дорогу к сибирской «мягкой рухляди». Попытка была тем более важной, что надлежало перехватить путь по Оби у нацеливавшихся уже на него англичан. Ермак ещё не отправился за Урал, а фламандец картограф Меркатор и англичанин Хаклюйт уже обсуждали мнимые «препятствия», которые чинит «император Московии» плаваниям англичан в Китай, и планировали основание нового опорного пункта где-нибудь на севере Сибири.

«Было бы поэтому очень хорошо, если бы вы отыскиали какой-нибудь небольшой островок на Скифском море, где мы могли бы в безопасности основаться – строить укрепления и склады и оттуда в надлежащее время питать эти языческие народы нашими товарами...» – говорилось в инструкции данной «Московской компанией» капитанам Артуру Пэту и Чарльзу Джекману⁵. В 1580 году англичане на полном серьёзе мечтали захватить какой-нибудь остров, который служил бы для них тем же, чем были для колонизаторов Гоа, Макао или Гонконг в Индии и Китае.

Однако поход Ермака на перехват удался – и так открылась дорога к стремительному политическому броску Русского государства на Восток. Всего за 66 лет прошло от подвигов Ермака (1582 г.) до плавания Дежнёва (1648 г.), обозначавшего крайне восточную точку великого похода. Именно этот великий поход и создает Россию как Россию.

«Россия возникает в полноте необходимых и достаточных геополитических характеристик не при Рюрике, и не при Иване Калите, а в течение XVI века, и последней среди этих характеристик стал выход русских в земли Заволжья и Зауралья. Россия не присоединяла Сибири – она создавалась Сибирью», – подчеркивал замечательный русский ученый-геополитик В. Л. Цымбурский⁶.

Применяя свою превосходную амфибийную тактику, русские служилые люди, руководившиеся целью «проехать где б на какой реке государю прибыль учинить», переходили по внутренним волокам или морским маневром через ледовитый океан из одного речного бассейна в другой, ставили укрепленные остроги; используя дерзость и превосходство в речном

⁵ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. – Рязань: Александрия, 2007. – С. 167.

⁶ Цымбурский, В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 25.

снаряде и огнестрельном оружии, подчиняли инородцев и заставляли платить их «ясак» пуш-
ниной.

Основой «объясачивания» местных племен было взятие «аманатов» – заложников, обычно из местных «князьцов», ради которых их родичи и приносили русским пушнину. Поко-
рение отнюдь не было мирным и сопровождалось регулярными стычками и засадами – всё тело
Дежнёва было испещрено ранами от якутских, эвенкийских, юкагирских, чукотских стрел.

С аманатами, впрочем, зачастую быстро сдружились, их здоровье берегли пуще зеницы
ока и кормили лучше, чем ели сами (за умершего никто ясака не даст), а вскоре иноземцы и
сами почувствовали выгоды русской власти – слуги государевы мирили поссорившиеся роды,
не давались сильным утеснять слабых. Дежнёв сам несколько раз принимал участие в таких
посреднических миссиях и проявил себя как недюжинный дипломат.

Государь и воеводы вообще требовали не чинить обид новым подданным и сурово карали
служилых за разбои и жестокость с ясачными. Дело было, конечно, не в мифической «импер-
ской дружбе народов», а в здравом смысле: гибель или откочевка ясачных вела к убытку для
казны, ведь соболя били, прежде всего, туземцы.

Охота за пушниной была беспощадной и численность зверя, особенно соболей, очень
быстро падала. Погоня за мехами заставляла русских двигаться всё далее на восток, со всем
тщанием выпрашивая иноземцев о лежащих впереди неведомых землях и необъясаченных
людях.

Время от времени в этих поисках возникали такие же фантомы, как Эльдorado в Аме-
рике. Происхождение этих фантомов было, скорее всего, довольно прозаичным – их выду-
мывали местные жители, чтобы спровадить добытчиков подальше от себя. Таким русским
Эльдorado в эпоху Дежнёва стала «река Погыча», лежащая дальше за только что открытой
и включенной в освоение Колымой. На реке этой, обещали, есть и несчетно соболей, и даже
серебро. Знали бы колымские первопоходники, что золотая земля находится прямо у них под
ногами! Но сибирская золотая лихорадка начнется только в XIX веке.

А пока Федот Алексеев Попов, по прозвищу Холмогорец, приказчик влиятельного купе-
ческого дома Усовых, выступил настоящим подстрекателем поисков «Погычи». Устюжцы
Усовы и Гусельниковы (приказчики этого дома тоже включатся в экспедицию), вели сибир-
скую торговлю с огромным размахом. Вот лишь небольшой фрагмент дошедшего до нас списка
товаров, которые энергичный холмогорец взял с собой на «Погычу» для обмена на соболя:
«две половинки сукна аглинского середние земли, половинка кармазину, шесть половинок
аглинских меньшей земли, десять косяков мыла, дватцать концов сукон сермяжных, десять
юфтей кож красных, пятнатцать рубах, строченых шелком, триста ремней, сто пятьдесят
колокольцов, пятьдесят трещеток пищальных, пятьдесят шил, пятьдесят поясков нитных, про-
стых, две чернилицы медные, семеры сапоги телятинные, десятеры сапоги сафьянные муские
и женские» (см. *Белов, М.И.*, 1952: Док. № 22).

Сибирь той эпохи вообще ошибочно представлять захолустной окраиной. В 1645 году
якутская таможня отпустила только на подведомственные Колымскому острожку земли 551
человека с товарами на 16 067 рублей и 6526 пудов хлеба. Пусть Восточная Сибирь была
далека от государственных центров (путь в Москву занимал два года, а вести шли так долго, что
половина грамот Дежнёва адресована на имя уже умершего Михаила Фёдоровича), однако там
кипела богатая торговля, возникали ярмарки, создавались и рушились состояния, затевались
новые предприятия по добыче бесценных на мировом рынке мехов. Треть государственного
дохода России в этот период формировалась прибылями Сибири и служилые законно горди-
лись тем, что государство богатеет именно их потом и кровью.

Но и сами они в накладе не оставались. При чтении постоянных жалоб в документах Деж-
нёва и его товарищей на неуплату денежного и хлебного жалования, на то, что на службы госу-
даревы они собирались «своими деньгами и своими подъёмы», издержав на сборы более ста

рублей, давая за себя долговые кабальные записи, задаешься только одним вопросом: откуда у этих людей брались такие деньги, чтобы служить «на свои»? Объяснение в том, что даже небольшая служба сулила огромную личную прибыль, с которой правительство тоже не забывало брать десятину – в год похода Дежнёва такой пошлины в Мангазее, Томске, Енисейске, Туринске было взыскано 17 905 рублей. Это значило, что только за один год, только через эти четыре пункта мехов было провезено на 179 тыс. рублей – невероятная для той эпохи сумма. Прибыль среднего промышленника в Мангазее в годы её расцвета достигала 3000 %. Потому не удивительно, что от служб своими деньгами не отказывались – на них напрашивались, выдерживая немалую конкуренцию за царскую грамоту, и обещали казне «явить государю прибыли».

В поисках Анадыря

Семён Иванов Дежнёв, как показали разыскания знаменитого историка русской Арктики М. И. Белова, был выходцем с Пинеги, соседствующего с Холмогорами притока Северной Двины. Начал свою службу в Сибири в 1630-х, не раз показал себя в походах, суровых зимовках, туземной дипломатии, был одним из первооткрывателей Колымы. В 1645 году он в числе 13 русских воинов выдержал ожесточенную юкагирскую осаду – 500 туземцев во главе с князьцом Алаем ворвались в Колымский острожек. Защитники, включая Дежнёва, были переранены, но в рукопашной схватке сразили предводителя осаждавших и победоносно отбились, а вскоре наказали бунтовщиков ответным набегом.

Не удивительно, что устюжские гости хотели видеть официальным руководителем экспедиции – «приказным» – этого опытного, смелого, знающего здешнюю жизнь, обладавшего административным и дипломатическим талантом, властного, но уравновешенного человека. Даже будучи неграмотен, Дежнёв превосходил своим практическим умом и наблюдательностью многих из тех, кто его окружал. Из его челобитных, записываемых грамотными людьми со слов Семёна Ивановича, льется живая, полная характерных поморских словечек, речь человека, который трезво мыслит, всё примечает и умеет добиваться своего.

Не случайно в собственных документах Дежнёва мифическая «Погыча» не упоминается ни разу. Он говорит только про вполне реальную «новую реку Анандырь», с которой он и намерен явить Государю прибыль. Он энергично отбил попытку конкурента, «гулящего» человека Герасима Анкудинова, перехватить у него права «приказного». После того как первая попытка Дежнёва и Попова пройти морем на восток от Колымы не удалась из-за плотных льдов, Анкудинов, беглый казак, по сути – предводитель пиратской шайки, решил перехватить у Дежнёва выгодное назначение. Когда это не удалось – ватага увязалась за экспедицией на седьмом коче, который Семён Иванович даже и не признавал, упорно утверждая, что плыл «на шти кочах».

Летом 1648 шесть легальных и один нелегальный кочей двинулись в путь. Ледовая обстановка в этой части Арктики никогда не была дружелюбной поэтому Дежнёву, можно сказать, повезло – именно в 1648 году морской путь на восток оказался более-менее чист и русским, плававшим только по ветру, мешали лишь шторма и ветра, но не льды. Потеряв два коча (люди с них, как выяснил в следующем году Михаил Стадухин, высадились на берег и были истреблены туземцами) Дежнёв вышел через Берингов пролив в Тихий Океан, обогнув «Камень-Утес», мыс, который будет впоследствии назван его именем. Здесь, у этого утеса, и разбился коч Анкудинова, который перебрался на коч к Попову, который, видимо, благоволил авантюристу более чем служилый Дежнёв.

Так совершилось великое Дежнёвское открытие. Разумеется, Дежнёв не ставил себе задачи географически доказать существование пролива между Азией и Америкой, вполне вероятно, он никогда и не слышал слова «Америка». Русские того времени полагали, что к северу от Руси лежит «Новая Земля», начинающаяся от архипелага с таким названием и тянущаяся далеко на Восток, и Дежнёв убедился в том, что «Русская сторона» и эта новая земля не смыкаются и пройти морем к устью реки Анадырь возможно. С другой стороны, в Европе и без Дежнёва существовала уверенность в существовании «Анианского пролива» между Азией и Америкой, основанная не на данных путешественников, а на теоретической гипотезе о равновесии материков.

Колумб руководствовался совершенно верной умозрительной теорией, однако практические выводы сделал из своих открытий ложные и, попав в Новый Свет, полагал, что попал в Японию, а оттуда доберется до Китая и Индии. Дежнёв верной умозрительной теории не знал, однако попал ровно туда, куда и хотел – на реку Анадырь. Попасть именно туда, куда плыл, – достижение в эту эпоху географических открытий отнюдь не рядовое, несмотря даже на то, что

экспедиция Дежнёва оснащена была компасами в костяной оправе и Дежнёв дает при описании «Большого Каменного Носа» четкие ориентации по сторонам света, которых самодовольные «западники» вряд ли ждут от русских той эпохи: «А с Ковымы реки итти морем на Анандырь реку, и есть Нос, вышел в море Далеко, а не тот Нос, который от Чухочьи реки лежит, до того Носу Михайло Стадухин не доходил, а против того Носу есть два острова, а на тех островах живут чухчи, а врезываны у них зубы, прорезываны губы, кость рыбей зуб, а лежит тот Нос промеж сивер на полуношник [Норд на Норд-Ост]. А с рускую старону Носа признака вышла речка, становье тут у чухоч делано, что башня ис кости китовой. Нос поворотит кругом, к Онандыре реке под лето [Зюйд]» (Белов, М.И., 1964: 132).

Чтобы доплыть до Носа и обогнуть его, тоже требовались недюжинное мужество и упорство, которые проявил именно Дежнёв, а многие другие на его месте повернули бы, как повернул пошедший вслед Дежнёва в 1649 году Михайло Стадухин, положившийся на распросы туземцев, которые сообщили, что никакого пролива не знают: «Сказывали, что де реки мы близко не знаем, потому что возле моря лежит Камень утес, конца Каменю не знают. А которые служилые и торговые люди, Ерасимко Анкидинов, Семейка Дежнёв, а с ними девяносто человек в прошлом во 156 году с Ковыми реки пошли на ту же реку на семи кочах, и про них те ж языки сказывали: два коча де на море розбило, и наши де люди их побили, а достальные люди жили де край моря, и про них де мы не знаем, живы ли оне или нет. И по иноземцовым скаскам вперед по морю итти не посмели, потому чтоб служилые люди напрасною смертию не померли» (Белов, М.И., 1952: Док. № 33).

Дежнёв никому не поверил, а потому и заслужил у потомков славу первооткрывателя и пролива и «своего» утёса. Уже одно упорство, проявленное им там, где его не проявили другие, делает все попытки преуменьшить эту славу, ссылаясь на то, что он не опубликовал своего открытия в журнале какого-нибудь «Королевского общества», совершенно неуместными. Тем более что неграмотный военно-промысловый администратор Дежнёв сделал для фиксации своего открытия более чем достаточно – он дал подробное и узнаваемое и до сего дня описание «Большого камня», указал приметы и направления.

Да и в картографии он кое-что смыслил, просто его интересовали не чертежи морских путей, а чертеж той реки, которую он присоединил к преславному Российскому царству, о чем и сообщал он в своей отписке к Якутскому воеводе: «А той реки Анандыре (сделан) чертеж с Онюя реки и за Камень на вершину Анандыру и которые реки впали большие и малые, и до моря, и до той корги, где вылягает зверь»⁷. Карту утёса по показаниям Дежнёва составил около 1737 году Герхард Миллер, первым опубликовавший Дежнёвские документы из Якутского архива.

Подвиг Дежнёва, таким образом, принадлежит к числу Великих Географических Открытий в самом строгом смысле слова. Однако в его личной судьбе это открытие было не концом, а лишь началом мытарств и приключений. Кочи Дежнёва, Попова с Анкудиновым разматало по будущему Берингову морю и занесло значительно южнее устья Анадыря. Федот Попов и Герасим Анкудинов были занесены южнее, возможно на Камчатку, и об их судьбе Дежнёв узнал лишь случайно, освободив из коряцкого плена в одном из походов жену «холмогорца»: «Ходил я, Семейка, возле моря в поход. И отгромил я, Семейка, у коряков якуцкую бабу Федота Алексеева. И та баба сказывала, что де Федот и служилой человек Герасим померли цынгою, а иные товарищи побиты, и остались невеликие люди и побежали в лодках с одною душею, не знаю де куда»⁸.

⁷ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. – СПб, 1851. – Т. 4. – С. 22.

⁸ Отписка Семена Дежнёва якутскому воеводе Ивану Павловичу Акинфиеву о морском походе его с устьем р. Колымы до устья р. Анадырь. (Апрель 1655 г.) // Известия всесоюзного географического общества. – 1948. – Т. LXXX. – Вып. 6. – С. 578.

Сам Дежнёв осенью – зимой 1648 года тоже оказался на грани гибели. В октябре, после Покрова, его коч выбросило на берег, как полагают современные исследователи, Олюторского залива. С ним осталось всего 24 спутника из вышедших с Колымы 90 человек. С этими остатками команды он двинулся пешим ходом вдоль моря на север, к устью Анадыря. «А шел я, бедной Семейка, с товарищи до Анандиры реки ровно десять недель, и пали на Анандырь реку вниз близко моря, и рыбы добыть не могли, лесу нет. И з голоду мы, бедные, врознь розбрелись. И вверх по Анандыре пошло двенатцать человек»⁹

⁹ Там же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.